

Олесь БЕРДНИК
Рисунки Г. ЯРЕМЧУК.

Окоцвет

Олесь БЕРДНИК

Рисунки Г. ЯРЕМЧУК.

ОКОЦВЕТ

Сказка *

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Неистовствовала гроза.

Старые люди удивлялись: с вечера ничто не предсказывало ненастья. Заход солнца предвещал зной, воздух был сухой и удушливый, горизонт багровел над днепровскими лугами торжественно и зловеще. А потом случилось неожиданное, грозное...

Около полуночи в небе послышался клёкот. Будто вдалеке завели свадебную песню аисты. Парни и девушки, бродившие по берегу, любясь плакучими ивами, слушая печальную песню днепровских струй, вдруг напряжённо замерли, прислушиваясь; утомлённые дневным трудом хлеборобы, спавшие под открытым небом, проснулись; столетние старухи, страдавшие бессонницей, насторожились; тревожно заржали, неизвестно почему, лошади на лугу.

Клёкот становился всё громче. Прокатился волнами над сонной землёй. Казалось, воздух стал густым, в нём поплыли тугие, упругие круги, словно от падения камня в воду. Невдалеке от лунного серпа загорелась яркая звезда, запульсировала, окуталась туманной короной. Краски её переливались: сначала она была тёмно-вишнёвой, потом красной, жёлтой, нежно-зелёной, голубой, сиреневой. Наконец, звезда вспыхнула ослепительным фиолетовым цветом, удлинилась, завибрировала и, как заострённая стрела, упала, взмахнув пыльным хвостом, где-то за лесом. Вслед за ней в небе покатились вторая звезда — окраска её была мягче — нежно-розовая. Она тоже упала на северо-западе, за стеной столетних сосен.

И тогда началось...

Неизвестно откуда налетела буря. Над селом прокатился смерч, стена пыли поднялась с поля, чёрная туча закрыла луну. Страшная молния расколола тьму, стегнула по небу огненным кнутом, будто подгоняя разбушевавшиеся стихии. Свечой вспыхнула скирда соломы за лесом, громко зазвонил пожарный колокол, созывая пожарников.

Да где там!

Первая молния была только сигналом к началу небесной драмы. Стена дождя упала на землю, грозно зашумели, заклокотали пенистые потоки, смывая с холмов в долину созревшие тыквы, сочные помидоры, валя на землю тяжёлые головы подсолнухов. Парни и девушки бросились под защиту риг и навесов.

Гроза разбушевала не на шутку, небо стало похоже на гигантскую связку пламенеющих расгрёпанных нитей, с которыми начал играть неизвестный космический титан. Одна за другой мол-

Слушай, Искатель! Тебя ждёт Сказка. Там по- бывали герои. Но привычной тропой туда не прой- ти. По молнии суждено перейти на ту сторону! Кто отважится — огненным назван будет. Так соберут- ся Сыновья Сказки.

Слышишь, Искатель? От моего сердца к твоему я хочу построить Радужный мост.

нии били в землю — длинные, ярко-фиолетовые. Вокруг громоотвода, что возле клуба, появилось призрачное жемчужное сияние, вдоль него с сухим треском плыли к земле искры. Сторож дед Анисим испугался и, махнув рукой на свой ответственный пост, под дождём помчался домой.

Гроза разрушала трубы, срывала крыши, портила радиоприёмники, над огородами и дорогами металась багровые шаровидные молнии; иногда они подкрадывались к старым развесистым деревьям, вспыхивали холодным призрачным пламенем, разрывая надвое толстые стволы.

Шквал бушевал недолго. Прошло около часа, и ненастье утихло, стена ливня исчезла, только небесные огни непрерывно сверкали до самого рассвета.

Слава был свидетелем того, что произошло. Он до полуночи сидел в саду, среди зарослей малины, рассматривая в самодельный аппарат лунные кратеры. Незадолго до этого мальчик прочитал в журнале «Юный техник» очень интересную статью про удивительные образования на Луне, которые иногда приходится наблюдать учёным: зелёные пятна в некоторых кратерах возникали при появлении солнца, ширились, передвигались за лучами светила и исчезали, как только начиналась лунная ночь; иногда исчезали с поверхности земного спутника целые гигантские цирки, будто кто-то прикрывал их непрозрачным колпаком, а потом неожиданно появлялись; однажды в кратере Коперника видели светящийся треугольник, к нему с разных сторон ползли яркие пятнышки и сливались с ним. Такие фантастические сообщения не давали покоя Славе, и он с помощью Максима Ивановича — учителя астрономии — смастерил небольшой телескоп и в светлые ночи не сводил глаз с таинственного лунного диска. Ничего нового ему увидеть на Луне не удалось, зато теперь он стал невольным свидетелем удивительного явления природы.

Когда за лес упали две звезды, мальчик бросился в хату, восхищённо выкрикивая:

— Болиды! Болиды упали!

— А? Что? — вздрогнул, приподнимаясь на постели, сонный отец. — Чего ты кричишь среди ночи?

— Я же говорю, — обиженно ответил сын, — за нашим лесом два болида упали!..

— Какие болиды? Что ты болтаешь?

— Небесные камни. Метеориты! Завтра побегу искать! Надо сказать Максиму Ивановичу. Это же, знаете, какое событие!

— Тоже мне событие! — проворчал, снова укладываясь, отец. — Два каких-то камня упали, а ты кудахчешь, как курица над яйцом!

* Журнальный вариант.

— Так не простые же камни, а из космоса!
— Они везде одинаковые, — зевнул отец. — Камень он и есть камень. А если уж так захотелось тебе увидеть его, то скажи об этом Максиму Ивановичу, а меня не буди, дай поспать!

Но спать не пришлось ни отцу, ни матери, ни бабушке Соломии. Гроза разбудила всех. Мать испуганно поглядывала в окно, всплескивала руками, когда молния где-то поблизости загоняла громовую стрелу в землю.

— Никогда не видела такого, — шептала она. — Со страха умереть можно...

— Воробьиная ночь, — прошептала бабушка Соломия, мелко крестя запавшую грудь. — Отведи и заступись, господи!

— А что это за воробьиная ночь? — заинтересовался Славка, высовываясь в окно.

— Кш, кш! — крикнула бабушка, замахиваясь на внука. — Хочешь рассердить Илью? Как стегает, так и каюк!

— Ой, бабушка, какая вы суеверная! Никакого Ильи нет! Это же небесное электричество!

— Ну да! Ты и скажешь. Это не простая гроза. И две звезды за лесом упали не простые. Когда-то уже было так...

— Что было?

— Когда я ещё девочкой была... ещё на гулянья не ходила... Тоже упала звезда на Волчью Долину...

— А где эта Волчья Долина?

— Теперь она Чёртовой называется, а тогда была Волчья. Ну так вот, говорю, упала звезда ночью, и началась гроза... такая, как теперь... Отведи и заступись! Ишь, что делается?!

— А дальше, что дальше, бабушка?

— Ну, что! Прошла гроза... а в Волчьей Долине люди неладное начали замечать. Как только наступит ночь — так и светится...

— Что светится?

— А кто его знает — что? Над Каранью такое марево, словно зарница...

— Выдумываете, мама, — недовольно заметил отец. — Забываете голову мальцу сказками, выдумками всякими!..

— А вот и не выдумка это, — сердито произнесла бабушка. — Всё, как сегодня, помню. Спроси старого Анисима, он не даст соврать...

— Нашли к кому посылать! Известный болтун! А если рюмочку поднести, до рассвета не переслушаешь!

— Папа, пусть бабушка рассказывает, не мешай!

— Светится и светится, — продолжала бабушка, тревожно поглядывая в окно, за которым сверкали зарницы. — А что — не знают люди, бояться идти...

— Я не побоялся бы, — сказал Славка.

— Храбрый какой. Не очень-то хвастайся. Прошло какое-то время... и из Волчьей Долины вышла старуха...

— Какая старуха? — удивился мальчик.

— Баба-яга. Старая, горбатая...

— Ну вот, — засмеялся отец. — Договорились...

— Смейся, смейся, Матвей, — обиженно буркнула бабушка. — Все вы теперь шибко грамотные. Жаль, что мало старых людей осталось, они рассказали бы тебе то же самое. Долго жила эта чудная старуха в долине. Хатка там у неё была...

— На курьей ножке... — улыбнулся отец.

— Ну да. А в окне огонь. Кто не боялся — приходил к ней. Лечиться или совета спросить. Всех лечила. Травками пахучими, словом. И денег не брала. Добрая была старуха...

— Какая же она яга, если добрая?

— Не знаю. Говорю то, что было. Некрасивая она была, а глаза большие, ясные, добрые. Один раз я её видела, покойница-мать водила меня, чтобы болезнь выгнала из груди... Жгло у меня что-то в груди, не давало дышать...

— Ну и что? Помогло?

— Ещё как. Посмотрела она мне в глаза, коснулась груди. И сразу легче стало, отпустило...

— Куда же эта старуха делась? — взволнованно спросил Славка, настороженно поглядывая в окно, за которым беспрерывно сверкали грозные огни. — Вы слышали о ней что-нибудь позже?

— Не знаю. Поп очень сердился на людей за то, что ходят к той старухе. Проклинал, грозил пеклом тем, кто будет лечиться у неё, прозвал Волчью Долину Чёртовой. Ну, люди начали бояться. Потом из волости старшина приехал, солдаты.

Взяли ещё парней, что посильнее, пошли в Чёртову Долину, чтобы найти баба-ягу. Поп велел привести её в церковь. Искали-искали, всю долину обшарили, так и не нашли... Ни хатки, ни старухи...

— Потому что выдумки всё это, — поучительно сказал отец.

— Выходит, и я выдумываю? — гневно спросила бабушка. — Что была у неё в долине? Выдумываю?

— Приснилось, — зевнул отец. — Когда всё это было? Вы уже не различаете — где сон, а где правда...

— Все вы такие нынче, — укоризненно прошептала бабушка, укрываясь старым рядом. — Всё вам выдумки. Песня — выдумки, сказка — выдумки. А когда-то для нас и сказка была правдой... Ого, ещё какой правдой!

— Сказкой сыт не будешь, — иронически хмыкнул отец.

— Хлеб для живота, а сказка — для сердца, — поучительно ответила бабушка. — Так говорила покойница-мать, царство ей небесное. Ребёнку без сказки нельзя. Задохнет дитя, если не слышит сказки, или лоботрясом станет. И казаки вырастали когда-то смелые да храбрые, ты думаешь, отчего? Потому что сказка их учила, думала! А теперь — не успело ещё дитя на ноги стать, а вы ему — трактор под нос, оно и радо! Есть забава!

— Ну и что же! — довольно сказал отец. — Трактор — это дело такое. Сеет, пашет, возит...

— Пусть и сеет, и возит, — пробурчала бабушка. — Я не против. Пусть ездит на тракторе или на чём хочет, а сказки всё-таки не забывает. Иначе дикарём вырастет...

— Потянуло вас, мама, на болтовню, — недовольно сказал отец. — Славка, марш спать! Гроза утихает, пора...

— Иду, иду, — отозвался мальчик. — А утром — к Максиму Ивановичу. Болиды были непростые, их надо искать...

РОЗЫСКИ БОЛИДОВ

После завтрака Славка помчался в школу. Там уже собралось полсела. Максим Иванович, учитель астрономии, ввёл односельчан и своих учеников в

помещение школьной обсерватории, рассадил всех вдоль стен, а сам, довольный, ходил вокруг телескопа, постукивая деревянной ногой (своей он лишился на войне).

Седой ёжик на голове учителя победно светился в лучах утреннего солнца, прозрачные глаза его сияли радостью. Сегодня был его праздник: сотни людей заинтересовались необычным небесным явлением. Рассказы лились рекой, уточнялись подробности.

Оказалось, что гроза наделала много чудес: шаровые молнии проникли в хаты, риги, сарай, пугая людей и производя неслыханные бесчинства.

Вдова Арина — весёлая, насмешливая женщина, которая ловко умела передразнивать не только людей, но и птиц и зверей, — теперь притихла, встревоженная.

— Когда загремело, я проснулась, — рассказывала Арина. — Смотрю — дверь в сени раскрыта. Думаю — что за напасть? Кота ведь у меня нет, может, домовый какой-нибудь забрался? Поднялась я, чтобы закрыть, а тут вдруг как затрещит, как засветится!

— Где? — спросил Максим Иванович.

— Да в сенях же. Катится клубочек; сыплет искрами...

— Какого цвета?

— Голубенький. А внутри красный. Переливается, как радуга. Да мне и не до того было, чтобы смотреть на него внимательно, — испугалась я. Думаю — нечистая сила! Клубочек тот в хату, а я — шмыг под рядно, высунула нос, не дышу, смотрю, что он делать станет. Походил по полу, залез под печь, вскочил на стол, потом бросился к посудной полке. Что-то там затарахтело, зашипело. Снова клубочек этот спрыгнул на пол — да к-печке! А потом как завоет, как засвистит! И всел!

— Что всё?

— Исчез! Я до утра не спала. На рассвете встала, к посудной полке — а там нет моих ложек!

— Каких ложек?

— Серебряных. Ещё прадедовских. Из рода в род передавались. Хорошие ложки. Ах ты ж, думаю, ворюга! Как же ты их взял? Без рук, без ног, а взял? Я к печке — там у меня чугун с картошкой стоял, приготовила с вечера, чтобы сварить свиньям корм. Смотрю — мать родная! картошка готова, разварилась вся, а чугун весь серебром вылуженный! Так вот куда мои ложки исчезли, думаю! Как же этот клубочек умудрился сделать такое?

Люди переговаривались, удивлялись. А один мужчина рассказал, как молния проникла в окно сквозь микроскопические щёлочки и разрисовала стёкла цветистыми радужными узорами. Можно будет принести стёкла в школу, если это интересно для учеников, а в окна вставить новые. В другом месте пламенеющие заряды вскипятили воду в бочках возле хат, а потом взрывались с ужасающим треском.

— Чудесно, чудесно, — бормотая Максим Иванович, постукивая костылём. — Нам очень повезло, друзья! Очень повезло!

— Почему повезло? — недовольно спросил дед Анисим, облизывая языком огромную самокрутку. Закурив, он пыхнул дымом и искоса посмотрел на укладкой смевшихся над ним ребят.

— А потому, Анисим Карпович, — поучительно сказал астроном, — что одновременно произошли два удивительных явления — астрономическое и метеорологическое. Исключительно! Надо записать все эти рассказы, собрать доказательства. Стёкла, чугун вылуженный! Передадим всё это учёным, чтобы было им о чём подумать.

*Перевела с украинского Н. НИКОЛЕНКО.
(Продолжение следует).*

Олесь БЕРДНИК
Рисунки Г. ЯРЕМЧУК.

ОХОДЦВЕТ

Сказка*

Разговор продолжался. Максим Иванович весело сказал:

— Гроза, и в самом деле, редкостная. Мне кажется, что она космического происхождения...

— Как так? Расскажите!

— Вы заметили, в воздухе совсем не было влаги?

— Верно, — согласилась Арина. — Солнце садилось к жару, к зною...

— Вот именно. Барометр тоже не показывал грозы. И вдруг эти болиды, небесные гости. А может, это и не болиды, а небольшие кометы или одна комета, потом разделившаяся на две меньшие части. После падения остался огромный столб космического водорода. А в воздухе водород начал бурно соединяться с кислородом — ученики знают, что из такого соединения образуется...

— Вода! Водяной пар! — хором закричали ребята.

— Правильно! Образовались водяные столбы, насыщенные мощными электрическими зарядами. Так сказать, непредвиденный ливень! Никакая метеостанция не могла бы предвидеть его!

— А молнии? — спросила Арина. — Почему они такое вытворяли?

— Наука ещё не знает этого, — вздохнул Максим Иванович. — Известно множество фактов, когда шаровидные молнии действуют почти разумно, но почему, каким образом — невозможно объяснить. Необходимы опыты, и то, что мы сообщим, тоже поможет науке!

— А комета! Или болиды? Где они?! — воскликнул Слава.

— Будем искать, — ласково улыбнулся учитель. — Именно об этом я и хотел поговорить с вами, ребята. Хорошо, что вы пришли. Если найдём остатки небесных камней, наша школа прославится. Сообщим в Академию наук, придут учёные... А сейчас взрослые могут идти, а вы, ребята, останьтесь...

Энтузиастов Максим Иванович распределил на несколько групп, наметил маршруты. Велел возвратиться к десяти часам вечера. В Славину группу вошли Лина и Онуфрий, или Фри, как называли его школьники. Все трое закончили шестой класс, перешли в седьмой. Слава обрадовался, что Лина пойдёт с ними, но присутствие Фри его огорчило. С Линой хотелось дружить всем мальчикам их школы: она была высокая, стройная, с толстой каштановой косой, черноглазая. Училась на круглые пятёрки, характер у неё был гордый и норовистый. Самые отъявленные забияки обходили её стороной, боялись трогать, а те, кто мечтал дружить с ней, лишь издали провожали девочку глазами, вздыхая тайком. Одному только Славе Лина разрешала после занятий идти рядом. Да изредка Онуфрию. Почему она так поступала — Слава не до-

гадывался. Неужели ей нравился рыжий, весь в веснушках, белобрысый Фри? Да к тому же ещё и молчаливый, неуклюжий, вечно насупленный?

Вот и теперь — Онуфрий сопит, искося поглядывает на Славу, потом на Лину. Девочка весело хлопает его ладошкой по спине, скачет, как коза.

— Пошли, пошли, ребята! Мне так хочется поскорее увидеть комету!

— Не так быстро! — бормочет Слава, выходя из школы. — Ещё нужно захватить чего-нибудь поесть. Подождите, я слетаю домой!

Мальчик забежал в хату, положил в сумочку полтора десятка помидоров, полхлеба и присоединился к товарищам. Они миновали песчаные бугры и вошли в вековой лес. Шли по извилистой тропинке, весело переговаривались.

— Вот если бы повезло, — щебетала Лина, поблёскивая чёрными глазами. — О нас напечатали бы в газетах... или в журнале...

— Разве в этом дело? — спросил Слава.

— А в чём же?

— Главное — найти. Исследовать...

— Что там исследовать? Камень или кусок железа... Главное — на весь мир прославиться...

— Точно! — буркнул Онуфрий. — Имя дадут той комете наше... Все будут знать!

— Страшно интересно, — насмешливо сказал Слава. — Комета «Онуфрий»! Звучит?

— Не смейся, Слава! — произнесла девочка. — Лучше договоримся, как нам идти...

— Маршрут намечен такой: сначала Заросные, потом перейдём через болото в Карань. А потом — к Чёртовой долине...

— Там страшно... Очень густой лес...

— А как же слава? Мировая? — усмехнулся Слава.

— Оставь! — вспыхнула Лина. — Не обязательно же славу в болоте искать?

— А может, это и не болиды, не кометы, — сказал Фри.

— А что?

— Может, летающие тарелки? А?

— Ещё лучше, — обрадовался Слава. — Познакомимся с пришельцами. А что? Это ты умное слово сказал. Ещё интереснее будет искать. Айда вперёд!

Часа за два они исколесили все Заросные вдоль и поперёк. Ничего не нашли. Уставшие, вспотевшие, вышли к болоту. По ту сторону зеленел тёмной кроной древний лес Карань.

Преодолев болото, они очутились у Карани. На них налетела туча огромных жёлтых комаров. Онуфрий начал подпрыгивать.

— В лес, в кусты! — крикнул Слава. — Там они не будут кусаться!

Древний лес встретил искателей прохладой, настороженным покоем. Густая паутина прилипла к лицу, кусты терна и боярышника царапали ноги. Стало темно, неприветливо. Зато комары отстали и уже не преследовали их.

— Что мы тут найдём? — жалобно говорила Лина. — Лес, как стена!

— Если упал болид или комета, то должна быть яма... или место обожжённое, — объяснил Слава. — Мне кажется, что это упало где-то в Чёртовой долине. Так и бабушка Соломия сказала...

— В Чёртову долину даже не все взрослые решаются ходить, — сказал Фри.

* Продолжение. Начало см. «Пионерия». № 10 1969 г.

— Почему? — удивился Слава.
— Говорят, там нечистая сила водится...
— А ты веришь в нечистую силу? — иронически спросил Слава.

— Не верю. А так люди говорят... Змей там видели больших и волосатых людей.

— Ну, змея и маленькая с перепугу покажется большой, а волосатых людей... Может, какой-нибудь дачник грибы собирал, они любят в трусах ходить... Вот моя бабушка сегодня ночью рассказывала интересную историю...

— О чём?

— О Чёртовой долине. Тогда она ещё девочкой была, а долина называлась Волчьей...

— Расскажи...

Искатели остановились под ветвями орешника, сели отдохнуть, и Слава рассказал товарищам бывальщину, услышанную ночью от бабушки Соломии. Когда он умолк, Лина обеспокоенно оглянулась, сникла.

— Зачем ты рассказал? Теперь мне страшно... Я хочу домой...

— Почему, глупенькая? Кого ты боишься? Часок-другой походим — и назад, — заверил Слава. — Я тут знаю все ходы и выходы. Меня бабушка Соломия водила. Вся долина не больше двух километров. К вечеру возвратимся домой.

— Уже темнеет, — прошептала девочка, поёживаясь от прохлады. — Ну их, не хочу искать эти глупые камни!

Слава гневно отвернулся.

— Фри, води её! Раз так — пусть уходит домой! Онуфрий не мог скрыть радостной улыбки.

— Я — что? Я — как она! Я могу с тобой! А могу отвести! Лина, ты одна дорогу найдёшь?

— Не найду, — сердито сказала девочка, глядя под ноги и надувая губы. — Я не была в этом лесу...

— Тогда я с тобой. А как же ты, Слава? Может, плюнем? А? Никто ничего всё равно не найдёт!

— Найду или нет — а до конца пройду, — хмуро ответил Слава. — Возвращайтесь, трусы!

Он махнул рукой и исчез за кустом орешника. Онуфрий и Лина минуту-другую постояли, тяжело вздохнули и поплелись назад.

ЧЕРТОВА ДОЛИНА

Чаща проглотила все звуки. Зловещая тишина замкнула Славу в свои объятия. Не слышно было ни птиц, ни шелеста ветвей. Мальчик замер на месте, притаился — не донесутся ли голоса Лины и Онуфрия? Может, возвратятся, позовут, не оставят одного?

Где там! Фри назло ему не вернётся, а от Лины этого он не ожидал! Такая боевая, неприступная, гордая!

А всё-таки страшно! Была бы рядом живая душа — тогда ничего. Даже если бы кот — и то не страшно. А так — крутые глинища, высоченный чертополох, над головой столетние дубы да осины, а между ними — густой терновник. Метров сто пролезть под такими кустами — от одежды и нитки не останется!

Между зарослями вьётся чуть заметная тропка. Кто по ней ходит? Наверное, дикие кабаны и косули. Да ещё, может быть, старые женщины осенью пробираются за калиной до самого Палёного болота.

Темно между деревьями плохо видно. Неужели

заходит солнце? Ведь ещё рано. Может быть, тучи на небе?

Под ногами хрустят сухие ветки, этот треск отдаётся в сознании, как выстрелы. Преодолевая страх, Слава начал быстренько продираться между кустами. Упрямо описывая по кругу Чёртову долину, внимательно присматриваясь, нет ли каких-либо признаков падения болидов.

Кое-где он натёкался на огромные шляпы белых грибов, но не трогал их. Случись это в другое время, он захватил бы такие трофеи домой. Вышло бы чудесное жаркое! А теперь — пусть растут, белки да зайцы съедят...

Глубже, глубже. Долина дышит сыростью, под ногами толстые ковры мхов. Слава садится на трухлявый пенёк, отдыхает. Из чащи доносится низкое гудение. Будто далёкий шум парохода. Может, эхо? Или машина в лесу?

Сколько времени прошло — час или два? Тени ползут между стволами, уже не видно дальше, чем за два-три метра. Ноги ноют и дрожат. Наверное, от усталости. Может быть, вернуться? А завтра — снова сюда! Захватить ещё ребят. Не таких тонкокожих, как Фри. А сегодня? Что он скажет Максиму Ивановичу? Что стало темно? Испугался? Побоялся привидений? Будут смеяться. Фри будет смеяться первым, хоть он и сбежал. Да и чего бояться? Кабаны не нападут, у волков есть чем поживиться. А в чертовщину он не верит.

Между деревьями мелькнул огонь. Слава вздрогнул. Показалось или...

Снова. Взмахнуло голубым крылом призрачное пламя, погасло. Ещё раз. Ещё.

Нет, не кажется. Видно, как отблески падают на замшелые стволы деревьев. Странно и страшно. Кто же там? Может, кто-нибудь из учеников, которые ищут болид? Или дачник какой-нибудь собирает грибы. Зажёг фонарь и ходит. Надо было и ему захватить. Кто же знал, что придётся бродить до поздней!

Слава хотел крикнуть. Потом сдержался. Сердце стучало тревожно, настороженно. Огонь мелькнул ещё несколько раз и засиял ровно, неугасимо.

Мальчик ползком, а кое-где на коленях приближался к странному пламени. Передвигался по мху бесшумно, как кот. Любопытство превозмогло страх.

Уже недалеко. Свет становится похожим на сияние телевизионного экрана. Может, это и есть тот самый болид? Слава выглянул из-за ствола дуба и оторопел. На маленькой полянке под ветвистым дубом стояла избушка. Сказочная избушка, точно такая, как видел он в фильме «Василиса Прекрасная». Из единственного окошечка лучилось мягкое сияние. Невысокая дверь была раскрыта настежь, за ней мягко колебались неясные тени. На чём стояла избушка — на курьих ли ножках, или на сваях — мальчик не заметил, но увидел, что к входу вела узенькая лестница с берёзовыми перилами.

В горле у Славы пересохло. Что же делать? Страшно пошевелиться. Может, это ему померещилось? Наслушался бабушкиных рассказов, а теперь... Да нет, не мерещится! Закрывая глаза, уцепив себя за руку, ничего не поможет.

Задать стрекача? Привести сюда учеников с Максимом Ивановичем? А что он скажет им? «Избушка на курьих ножках»? Смеха хватит на весь

год. А ещё хуже, если придут сюда и ничего не увидят. Скажут — с ума сошёл, от страха и увидел разные привидения...

Что же делать? Неужели всю ночь тут мучиться? Земля холодит, становится промозгло, сыро. Может, подойти? Раз избушка стоит — есть же в ней кто-нибудь живой? А если живой, то не укусит ведь он его? Неужели Слава испугается?

Сияние приветливо всколыхнулось, послышался звонкий женский голос:

— Войди, паренёк!

Мальчик замер, боясь пошевелиться. Неужели это его кто-то окликнул?

— Чего же ты лежишь? Вставай, я жду...

Слава — ни звука.

— Ты искал и нашёл. Почему же ты боишься?

Мальчик вздохнул, стиснул зубы, стараясь сдерживать дрожь. Будь что будет! Ведь зовут его?!

Он поднялся, потихоньку пошёл к избушке. Избушка покачивается, как живая. А, может, это мерещится? Может, снится причудливый сон?

Ступеньки скрипят под ногами. Вот уже и дверь. Она очень низенькая, надо наклоняться. Сени. Пахнет травами, цветами, под ногами шелестит царь-зелье, бабушка Соломия на троицу любит посыпать им земляной пол.

Мальчик перешагнул порог, ступил на пол. Из чего он? Не доски, не глина. Нежный зелёный ковёр, похожий на мох.

Слава озадаченно обвёл глазами избушку. Где же хозяйка, голос которой он слышал? И где свет? Нет ни каганца, ни электричества.

Небольшая печь в уголке, обмазанная синей глиной, на ней нарисованы весёлые петушки. Налево — тёмный дубовый стол, скамья возле него, а в красном углу — большой белоснежный цветок. Он шевелит золотистыми тычинками, серебристый пестик вибрирует, словно дышит, атласные лепестки то сворачиваются, то раскрываются вновь в такт неслышной мелодии. Дивно и чарующе! Этот удивительный цветок успокоил мальчика, отогнал страх. Ему показалось, что он попал к близким и родным людям, что он когда-то уже был тут, чем-то связан с этой избушкой, цветком и вот этими петушками на печке. Вспоминаются ему и неслышная мелодия, и запахи нежных цветов...

— Если так, то можно и встретиться, — будто отвечая на его мысли, послышался голос. — Ты почувствовал себя дома — я рада...

Слава испуганно взглянул направо. Там на низенькой скамеечке сидела ветхая, столетняя старушка. У неё была согнутая дугой спина, длинный нос, запавшие щёки и губы. А на плечах — тёмно-зелёная искристая накидка.

«Баба-яга!» — мелькнуло в голове мальчика.

Она была точнёхонько такая, как в сказках. Значит, бабушка Соломия говорила правду? Выходит, она и теперь прилетела вместе с болидами. А может, это не болиды, а какие-то летающие устройства? Кто же она такая? Откуда? И что сделает с ним? Неужели возьмёт его в плен и...

— О мой неразумный мальчик! — взглянув на него, ласково произнесла старуха. — Как всё перемешалось в тебе — и храбрость, и страх! Верь первому своему чувству — ты дома, и рядом с тобой добрые люди...

Слава посмотрел ей в глаза. Взгляд старушки был глубокий, сильный и нежный. Казалось, что

это глаза прекрасного молодого существа на старом морщинистом лице.

— Садись, — сказала старуха и показала сморщенным пальцем на скамейку. — Расскажи мне, что ты искал в лесу, как попал сюда?

— Так вы же, наверное, знаете всё? — спросил Слава, взглянув на её улыбающееся лицо.

— Может, и знаю, — лукаво ответила старуха. — А я хочу услышать от тебя...

— Искал болиды... или комету, — несмело начал Слава. — Это такие небесные тела...

— Очень хорошо, очень хорошо, — весело сказала старуха. — Говори, говори, я слушаю.

— Сегодня ночью упало что-то за лесом. Вот учитель наш и послал учеников. Ищите, мол... Это для науки очень нужно. Мы пошли, потому что очень интересно! Я, Лина, Онуфрий. Мы его Фризовём... Ну, они испугались... А я решил один...

— Видела, видела, — задумчиво сказала старуха. — Ты смелый мальчик. И честный. Ну, и что же? Ты нашёл то, что искал?

— Не знаю, — смутился Слава. — Вижу — что-то горит. Я ближе — а тут избушка...

— На курьих ножках, — колокольчиком засмеялась старуха, и снова мальчику показалось, что это голос молодой женщины, а не старого существа. — А в этой избушке — баба-яга! Костяная нога! Мальчик заходит к ней, а она его в чугуна да в печь! Покачуся, повалюся, Славиного мяса наевшися! Ха-ха-ха!

— Вы... вы знаете моё имя?

— Знаю, читаю в твоей памяти. Ну... рассказывай дальше. Ты увидел избушку, услышал мой голос, вошёл. А теперь? Что же теперь?

— Хочу знать, кто вы? Откуда? — осмелившись, сказал Слава. — Как вас зовут?

Глаза старухи потемнели, спрятались под нависшими бровями.

— Зачем тебе, мальчик, моё имя? Разве это главное? А откуда? Из сказки. Где ещё водятся такие удивительные чудовища?

— Вы — не чудовище! — решительно заявил мальчик. — Вы — добрая. У вас глаза красивые, как у молодой девушки. И голос мягкий...

— Ну, спасибо, — тихо ответила старуха. — Сердце у тебя славное. И сказку, наверное, любишь?

— Очень! — с жаром воскликнул Слава. — Мне бабушка Соломия всегда сказки рассказывала, когда я был маленький! Ого! Ох, и много же она их знает! Тысячи! Меня, бывало, хлебом не корми, а дай сказку послушать!..

— Как? Как ты сказал? — обрадовалась старуха и снова её глаза засияли голубыми огоньками. — И хлебом не корми, а дай сказку? Голубчик! Так это же чудесно!

— Что чудесно?

— Что ты так любишь сказку!

— А почему?

— О, ты даже понятия не имеешь, как это важно. Когда-нибудь будешь знать! Если... А впрочем — подождём. Не надо спешить. Пусть сказка творится сама, её не надо принуждать...

— Я ничего не понимаю, — растерянно произнёс мальчик. — Вы как будто загадками говорите...

— Каждая загадка имеет разгадку, — грустно сказала старуха. — Только часто бывает так, что разгадка запаздывает. Если нет героя или мудреца, который поспешит её разгадать. Послушай, Славику,

добро за добро. Сама судьба послала тебя сюда, сделай милость, окажи мне услугу!

— Оказать вам услугу? — удивился мальчик. — Ведь вы всё можете...

— Что всё?

— А вот и кушанье скачет из печки, и вещи летают в воздухе... и видеть всё, наверное, можете на расстоянии?..

— Твоя правда, мальчик! Всё это я могу! Можно и сделать любую вещь, и послать её куда угодно, и видеть на расстоянии... Одного только нельзя сделать волшебством...

— Чего?

— Добыть сердце чистое, преданное. Никакие чары не помогут. Вся сила мира не отыщет его и не заставит сделать что-нибудь дурное. Нет большей силы, чем пламенное любящее сердце, да ещё такое, что любит сказку! Ну, мальчик, я жду...

— А что я должен сделать?

— Расскажи мне сказку... хорошую сказку...

— А какую?

— Какую хочешь. Одно условие — чтобы она была любимой и рассказывалась бы в ней о молодой девушке. Ну, вот такой, как ты, по возрасту... Ты в каком классе учишься?

— Перешёл в седьмой...

— Хорошо. Подумай же, какая сказка тебе больше всего по сердцу? Я жду...

Слава задумался. Им овладело дремотное и какое-то удивительное настроение. Где он, как сюда попал? Разве такое возможно? Не хочется выходить из милой избушки. Сидеть бы вот так, слушать приятный звонкий голос, любоваться переливами голубого сияния, что льётся неведомо откуда. А потом выйти из избушки, а вокруг — сказочный мир. Ковёр-самолёт, а на нём очаровательная девушка. Они вдвоём усаживаются на ковёр, поднимаются в небо, летят в далёкий край освобождать... Освобождать — кого? О, в сказках есть много пленных, узников, есть кого освобождать! Так что же она хочет, эта волшебная бабушка? Сказки? Смешная и странная! Зачем ей сказка, если сама она из сказки. Что же ей рассказать?

Слава вспомнил морщинистое лицо бабушки Соломии, услышал её размеренный, немного хриплый голос. Сидит она на лежанке, прядёт белую шерстяную нитку, и течёт, течёт невеста куда бесконечная сказка о призрачной жизни мифических существ. Правда и Кривда. Бедные и богатые. Умные и глупые. Огненный конь, что превратил Иванушку-дурачка, над которым все насмехались, в прекрасного рыцаря. Многоголовые змеи, которые уничтожают молодых девушек и юношей, жгут сёла и издеваются над людьми. Всё это не то. Хорошие сказки, но не любимые... Ага, вспомнил! Самая лучшая сказка — о спящей царевне. Бабушка Соломия рассказывала её сотни раз, и всегда она казалась мальчику новой, свежей, неповторимой. Может, понравится старухе эта сказка? В ней есть молодая девушка! И судьба её необычная...

— Вспомнил, — сказал, наконец, Слава. — Хорошую сказку могу рассказать. О спящей царевне. Начинать?

— Начинай! — кивнула старуха. — Только подожди минутку. Нанти!

Мальчик оглянулся. Значит, тут, кроме старухи, есть кто-то ещё? Она не одинокая?

(Продолжение следует)

Олесь БЕРДНИК

Рисунок Г. ЯРЕМЧУК.

ОХОДЦВЕТ

Сказка*

Из-за цветка выскочил вдруг перламутрово-голубой клубочек огня, упал на пол, покатился по зелёному коврику к старухе, вспрыгнул к ней на колени и остановился, ласково мурлыча.

— Что это? — шёпотом спросил мальчик.

— Моя дочка...

— А почему она такая?

— Какая?

— Не похожа на человека.

— Не спрашивай теперь ничего. Может, будешь знать о ней очень много. Слышишь? Но имей терпение. Всё остальное зависит от тебя...

— От меня? — недоверчиво переспросил Слава.

— Да! Нанти! Хочешь ли ты послушать сказку о спящей царевне? Взгляни на этого мальчика. Веришь ли ты ему, видишь ли его сердце?

Огненный клубочек радостно замигал. Слава почувствовал, как под сердцем у него что-то затеплилось. Что это с ним? Почему старуха обращается к клубочку, будто это и в самом деле живое существо? А, может, так оно и есть?

— Нанти хочет слушать, сынок. Мы ждём...

Мальчик волнуется, но рассказ течёт плавно, свободно. Он хорошо запомнил сказку, потому что не раз чувствовал себя героем-рыцарем, который ищет свою царевну в лесных дебрях.

Так уж заведено издревле — чтобы найти свою суженую, надо пустить стрелу в широкий свет. Куда она полетит, туда и путь держать.

Стрелы летят, падают. И идут за своей судьбой братья. Старшие приводят в дом купеческих да боярских дочерей. Родители устраивают шумную свадьбу. И только самый младший брат не возвращается. Его стрела залетела в густой заколдованный лес. Он ищет дорогу среди буйных кустов, под толстыми вековыми деревьями. Ему преграждает путь дракон — он побеждает его, страшилища пугают рыцаря — он не сдаётся. Наконец юноша попадает в страну, где все спят. Спят звери, деревья, цветы, огонь и дым над ним. Остановилось время, замерла вода в реках и родниках. И чувствует рыцарь, что и он заснёт навеки, если не убежит из проклятого леса. И появляется у него такая мысль, да вспоминает он, что где-то там должна быть его суженая. Он ведь ещё не нашёл стрелы! Надо отыскать её, потому что стыдно возвращаться с пустыми руками!

На пути встречается ему избушка на курьих ножках, а в ней баба-яга...

Она рассказывает рыцарю, что край этот зачарован чёрным колдуном. Посреди леса, во дворце, лежит спящая уже много веков царевна. Она не захотела стать женой колдуна, и он так жестоко отомстил ей. Никто не может освободить царевну

и её царство от злых чар, только рыцарь, суженый, который не побоится встретиться в бою лицом к лицу с врагом.

Рыцарь рвётся вперёд, но баба-яга ведёт его к огненному озеру, приказывает прыгать в пылающую воду.

Прыгнул юный рыцарь в озеро, нырнул в пламя, вынырнул прекрасным и сильным. Попрощался со старухой, поблагодарил её за помощь великую.

Так добрался он до дворца. Видит: люди стоят, лежат — кто где — и все спят. А во дворце на хрустальном возвышении — царевна. Белолицая, чернобровая, а на голове у неё веночек из цветов, и русая коса покоится на груди. И одета эта красавица в платье вышитое, а узоры на нём как живые. Глядь, а возле царевны стрела торчит, та, что рыцарь послал в белый свет.

Обрадовался юноша. Вот где его суженая! Краше во всём свете не найдёшь!

Но преградил путь рыцарю чёрный колдун. Собрался убить или усыпить героя. Не побоялся юноша. Схватил стрелу, положил на тетиву, натянул. Зазвенела стрела, упал лютый враг.

Тогда подошёл рыцарь к царевне и поцеловал её. И сразу же воскресло всё вокруг — деревья, звери, тучки, огонь. И поднялась царевна, увидела своего суженого, обрадовалась...

Глаза у старухи улыбаются, а возле губ скорбная чёрточка. Она слушает сказку тревожно, настороженно; притаился на её колене голубой клубочек.

— Ты слыхала, Нанти? Ты принимаешь сказку?

Слава удивился. Что она говорит? Разве сказку можно принять или не принять? Послушала, вот и всё...

— Именно эту сказку мне и хотелось услышать от тебя, мальчик, — сказала старуха. — Ты тот, кого мы ждали...

— Не понимаю...

— Я же сказала — подожди. Имей терпение...

Клубочек соскочил со старухиного колена, взлетел над головой Славы, коснулся его виска. Мальчик отшатнулся, почувствовав горячее прикосновение. Старуха улыбнулась.

— Это Нанти благодарит тебя. Очень хорошая сказка. Смысл её глубже, чем думает твоя бабушка. Когда-нибудь поймёшь её до конца. А теперь — пора. Тебе нужно домой...

Снова ничего нельзя понять. Какая-то тайна. И он, Слава, связан с ней.

Слипаются глаза. Вот так лечь бы на зелёный ковёр да и заснуть. Хорошо, уютно. Огненный клубочек лёг бы рядом и ворковал колыбельную песенку...

— Я заблужусь ночью, — пробормотал Слава. — Тут очень темно, густой лес...

— Не заблудишься, — успокоила старуха. — Только на прощанье одно условие...

— Какое? — удивился мальчик.

— Очень серьёзное. — Старуха нагнулась над Славой, тёмно-синие прекрасные глаза её заглянули прямо в душу. — Ты никому пока что не скажешь обо мне и Нанти...

— А почему?

— Так надо, мальчик. Всего нельзя сказать, пока кое-что не раскроется...

— А мы увидимся? — с надеждой спросил мальчик.

* Продолжение. Начало см. «Пионерия», 10—11, 1969 г.

- Не знаю.
- А прийти можно?
- Спрашивай не у меня...
- А у кого же?

— Прощай, мальчик,— сказала старуха, не отвечая на вопрос.— Закрой глаза.

Он покорно выполнил её приказание. Что-то зашумело, пахнуло холодом. Где-то залаяли собаки. Слава раскрыл глаза, удивился.

Впереди виднелся плетень, перелаз, большие голы подсолнухов, а немного дальше — за развесистой акацией — светились окна отцовской хаты.

Из хаты доносился шум, около сарая приветливо повизгивал пёс Каштан. Как же это? В одно мгновение он перенёсся из Чёртовой долины в село? А, может, почудилось? Закружило, поводило его по Карани... Рассказать Максиму Ивановичу? Нельзя... Сон или не сон, а он дал слово волшебной старухе, что не расскажет никому. И это слово он сдержит. Даже в снах нужно быть честным. А в Чёртову долину он снова наведается. Как она сказала? «Спрашивай не у меня»? А у кого же? Наверное, у своего сердца... Он хочет, очень хочет снова туда,— значит, пойдёт... Не забыть ему огненного клубочка, милой избушки, приветливой древней старушки с молодыми ласковыми глазами...

Сегодня — спать, а завтра надо идти в школу, давать отчёт Максиму Ивановичу...

СОМНЕНИЯ

Не успел Слава перешагнуть перелаз, как к нему из-за деревьев бросились Фри и Лина. Девочка теребила его за руку, ласково заглядывала в лицо, притворно сердилась.

— Я так переживала за тебя, так переживала! И родители твои волнуются! И бабушка Соломия...

— Уже успели разболтать! — буркнул Слава.

— А как же! — Фри хихикнул. Ему было неудобно, он хотел оправдаться.— Ведь мы хотели как лучше!

— Чтобы было лучше, не надо бросать товарища в лесу!

— Мы не бросали,— капризно сказала Лина.— Это ты нас бросил. Убежал куда глаза глядят, в заросли, а мы потом блуждали по всей Карани...

— Я же ещё и виноват! — удивился Слава.

— А кто же? Ты знаешь лес, а я не знаю. Ну, да ладно! Я уже не сержусь. Ты что-нибудь нашёл?

— А что?

— Максим Иванович ждёт! До двенадцати ждать будет! А кое-кто уже возвратился. Ждут нас. Ну, так как же — видел что-нибудь? Или нет?

— Может, видел... а, может, и нет,— загадочно сказал Слава, направляясь к школе.

Учителя они застали в обсерватории возле телескопа. Купол был раздвинут, над головой, густо усеянное звёздами, светило огненное небо. Максим Иванович, услышав шаги ребят, отвёл взгляд от окуляра, увидел Славу и его друзей и приветливо кивнул. Поднялся со стула и застучал костылём навстречу.

— Ну как? Может, хоть ты что-нибудь видел? Остальные уже вернулись, нигде никакого признака! Есть какая-нибудь яма?

— Нет ямы,— сказал Слава, чувствуя облегчение. Ему было страшно лгать учителю, уж лучше

отвечать на его вопросы.— Ни большой, ни маленькой ямы я не видел...

— Может, сожжённое что-нибудь видел?

— Нигде даже признака пожара нет.

— Может, дым или запах гари?

— Ничего такого не слышно. Правда, Линочка?

— Не видели, не слышали,— радостно заверила девочка, благодарно взглянув на Славу.

— Гм,— огорчённо хмыкнул Максим Иванович, из-под прищуренных ресниц глядя на Славу.— А я на тебя так надеялся. По-моему, именно там, возле Чёртовой долины, упало. Потому и наметил тебе этот квадрат...

Слава потупился и молчал. Как ему выйти из трудного положения? Как не лгать и остаться честным перед старым учителем? Что бы ни случилось, а слову, данному старушке из сказочной избушки, изменять нельзя...

— А может, что-то необычное видел? — с надеждой переспрашивал учитель.— Ну, что-нибудь такое...

— Страшно было,— ответил Слава.— Там лес такой хмурый, густой... Всякие мысли... Может, мне что-то почудилось...

— Ну, галлюцинации науку не интересуют, разве что психиатров,— вздохнул Максим Иванович.— Мало ли что кому померещится. Нужно такое, чтобы проверить, пощупать можно было. Ну, что ж, идите!

Они вышли из обсерватории, Слава попрощался с Онуфрием. Провёл Лину домой. У калитки она тихонько прошептала:

— А ведь ты что-то видел.

— Откуда ты знаешь? — испуганно спросил Слава.

— По глазам заметила. Ты не умеешь лгать.

— Может, и видел. Что кому до этого?

— А почему молчал?

— Видение никого не интересует...

Они разошлись. Мальчик постучал в боковое окно, за стеклом появилась белая фигура матери, он тихонько сказал ей, что будет спать в риге на сене. Шмыгнул по лестнице на чердак, улёгся в душистом логове.

Сквозь прорванную стреху мигали звёзды, внизу спокойно дышала корова, где-то скреблись мыши. От колдобин, что возле болота, доносилась мелодичная лягушечья симфония, в саду что есть мочи заливался соловей.

Сон колышет Славу в гигантской колыбели, несёт в неведомое, к звёздам. И снится ему голубой ласковый клубочек и тёмно-синие глаза доброй бабы-яги, и кажется ему, что всё ещё впереди, что ещё ничего и не начиналось. Пусть сердится Лина, пусть завидует Фри, пусть ругает отец. Он хочет снова встретиться с чарами древнего леса. Там откроется что-то взлелеянное в мечтах, что-то страстно желанное, невероятное...

Очень рано, ещё задолго до рассвета, Слава взял корзинку — будто для грибов — и направился в лес. Пока рассветало, посидел на пенёчке в Зароснях, слушая щебетанье утренних птиц. Как только на горизонте над стеной Карани запылало небо, мальчик подошёл к болоту, искупался в глубокой колдобине. Вода была прозрачная, ледяная, она хорошо освежила Славу.

Перейдя через болото, он, не задерживаясь,

зашагал к Чёртовой долине. Изредка срывал грибы-боровики, подберёзовики, складывал в корзину.

Чёртова долина встретила мальчика жуткой тишиной. Он постоял на круче, тревожно прислушиваясь. Интересно, видит ли его старуха? Ведь прошлый раз она увидела его издалека. Хочет она, чтобы пришёл он в гости, или нет?

Мягкий розовый луч скользнул по верхушкам деревьев, отблеск его упал вниз, замерцала на листьях орешника роса, самоцветами заиграли капельки на чудесной ткани паутины.

На сердце у Славы стало приятно, легко. Уже не колеблясь, он начал спускаться в долину. Ниже, глубже. Кое-где видны следы учеников, недавно ходивших тут. Ишь, как истоптали всё вокруг. Наверное, много их тут бегало.

Вот уже и моховые ковры, столетние дубы. Вот тут он прятался позапрошлой ночью. Отсюда увидел избушку. Где же она теперь? Слава выглянул из-за ствола. Нет! Даже признака нет...

Он, разочарованный, выбежал на поляну. Вот тут и стояла избушка. Направо — старая-престарая осина, налево — дуплистая верба. Всё сходится. А вот здесь должно быть сказочное убежище, ступеньки, ведущие к двери. Только почему же на зелёном мхе нет ни единой вмятины? Пушистый изумрудный ковёр, на который давно уже не ступала нога человеческая... А, может, он ошибся? Может, только местность похожа?

Слава отбежал назад, осмотрел то место, где он прятался ночью. Опустив голову, сел на пенёк. Вон следы от его ног, измятый мох. Тут он услышал дивный дружеский голос. Почему же теперь не слышно его? Может, старушка исчезла, улетела в свой таинственный мир? А, может, она и сейчас тут, но невидима?

Мальчик прислушался. Ни звука...

Чуть слышно дышит древний лес. Вдыхает солнце, голубой воздух, а выдыхает дивные запахи цветов, земляники, крепкий дух грибов и мха, дурманящий аромат прелых листьев.

Уже не страшно мальчику в Чёртовой долине, только боль в душе его, грусть, опустошение. Словно безвозвратно утратил он что-то дорогое.

Лёжа на влажном ковре, удивлённый, он заглянул в себе чувство горечи. Над ним на тонком стебельке склонился голубой колокольчик, на чашечку цветка сел золотистый мотылёк, сложил ярко расцвеченные крылышки. Слава осторожно положил его на ладонь, поднял руку. Мотылёк взлетел и круто устремился вверх. Кружился, кружился между старыми деревьями, пока не заблестел искрой в лучах солнца и исчез в вышине.

Вот так. Подобно тому мотыльку, исчезло и его видение. Ничего не было. Была усталость после продолжительной ходьбы, галлюцинации. Призрак. Просто он лёг на мох и уснул. И видел сон. А потом в полудрёме плёлся домой. Есть такая болезнь: человек спит и слоняется где-нибудь. Лунатиками называют этих людей. Может, и с ним такое? Шёл, шёл из Карани и очнулся возле самого плетня. А на ходу ему всё и почудилось. Хорошо, что никому ничего не сказал. А то смеялись бы, издёвок хватило бы на несколько лет...

Слава зашагал назад, выбрался из долины. Шёл через Карань, утомлённый, пробирался через болото, утратив интерес к красоте, ласке летнего дня. Хрипло и резко вскрикивали над ним чайки, сидя

на кочках, насмешливо таращили стеклянные глаза лягушки. Всё, на что бросал мальчик взгляд, казалось ему неприятным, всё бледнело перед волшебными чарами тревожащего видения, оставившего такой глубокий след в его сердце.

Надо забыть его, выбросить из памяти! Призрак призраком, а впереди учёба, седьмой класс, друзья, множество дней жизни, которая только начинается...

Выбросить? Слава вдруг остановился, словно поражённый молнией. А потом? Что вместо этого? «Разве из этих комет борщ сварить?» Кто это сказал? Отец! Почему? Разве он сизмальства не слушал сказок? Или забыл их в повседневных заботах? «Нет большей силы, чем огненное, горячее сердце, да ещё такое, что любит сказку!» — вдруг услышал Слава.

Вокруг его головы описала крутую спираль чёрная ласточка. Может, это она прошептала? Это же слова волшебной старушки! Как хорошо сказано. А он забыл. И готов был выбросить чары из головы, из памяти... Разве так поступали сказочные герои? «Кто прямо пойдёт — коня потеряет и сам погибнет!» И они шли прямо, туда, где всё погибало. Почему? Почему туда? Чтобы — настоящая сказка? Чтобы никакой надежды на обычное, удобное, известное?

Слава бросился бежать назад. Прыгал, как заяц, с кочки на кочку, срывался в болото, барахтался в воде, но это не тревожило его, он смеялся — весело и счастливо. Что-то случилось с ним, что-то неумовимо, как луч утреннего солнца в сумрак ночи, вошло в сердце. Он возратится в лес и будет ждать. До самой ночи. Связательно дожждётся чуда! Оно должно произойти! Он хочет сказки! Пусть она придёт, пусть овеет его чело, как крылья этой нежной ласточки, что ни на миг не покидает Славу. Может, она тоже из сказки?

Почему всё вокруг так изменилось? И чайки уже не стонут, а бодро приветствуют его, и лягушки из уродин превратились в изумрудных красавиц. Они плавают на корабликах из широких листьев кувшинок, подмигивая мальчику, обещая ему успех на пути необыкновенного.

Стрелой пронзил мальчик заросли орешника, осиновые чащи Карани, спустился в Чёртову долину.

Старался успокоиться, сдерживать биение сердца. Но сердце радостно трепетало в груди, что-то предчувствовало. Слава быстро отыскал знакомую поляну, остановился под ветвями дуба, оглянулся.

ОКОЦВЕТ

Среди зелёного мха он увидел цветок. Необыкновенный, небывалый. Он раскрыл три голубые лепестка, на изумрудном фоне похожие на прелестного мотылька. Слава никогда ещё не видел такого цветка. Он медленно приблизился к нему, стал на колени, хотел коснуться пальцем лепестков. Нежные крылышки встрепенились, затрепетали, и цветок поднялся вверх. Он не давался в руки.

Мальчик оторопел от неожиданности. Летающий цветок? Где это слышано? А, может быть, это не цветок, а чудесный мотылёк? Нет, под голубыми лепестками видны нежно зелёные листочки, длинный гибкий стебелёк. Вот она — сказка! Он, наконец-то нашёл её. Старушка из волшебной избушки

не встретила с ним, а послала ему своё чудо. Надо поймать цветочек, рассмотреть его. Может быть, удастся принести его в село, показать Максиму Ивановичу. Тогда ему поверят. Поверят, что видел он избушку, бабу-ягу, огненный клубочек.

Слава погнался за цветком-мотыльком. А тот перелетал с куста на куст, с места на место. Вот он опустился на шиповник, среди пурпуровых ягод. Мальчик бросился к нему, исколот колючками руки. Цветок мелькнул над его головой, коснулся крылышками-лепестками щеки, словно хотел поиграть. Слава растерянно смотрел на него снизу вверх. Как же его схватить?

Послышался смех-звоночек. Откуда он?

Мальчик оглянулся. Неужели кто-нибудь его выследил? Нигде никого. Тишина над лесом. На Чёртову долину падают сумерки. Цветок начинает сиять нежным, чуть заметным светом. И снова слышится чудесный смех. Он доносится сверху. Неужели это смеётся цветок?

— Это я...

— Кто-то обращается ко мне, или это мне кажется? — взволнованно спросил Слава.

— Почему же кажется? — слышится ласковый ответ. — Ты ведь обращаешься ко мне, а я отвечаю...

— Это ты, цветочек?

— Я.

— А почему ты убегаешь от меня? — осмелев, радостно спросил мальчик.

— Я играю с тобой, — мелодично ответил цветок, опускаясь ниже. — Ты намеревался поймать меня, а я не хочу...

— Почему?

— Я не могу быть в неволе. Ты хотел отнести меня в село, чтобы показать людям. Это невозможно!

— Не понимаю...

— Невыводное нельзя поймать. Оно само приходит к тому, кто ищет. Ты поверил, ты захотел, пришёл сюда — и увидел. Зачем нести сказку тому, кто её не ищет?

Слава на мгновение задумался, в его глазах заискрилась нежная улыбка.

— Я понял, цветочек. Не хочу нести тебя в село. Будь там, где тебе хочется. Но всё-таки скажи...

— Что, мальчик?

— Если бы кто-нибудь тебя поймал... насильно...

— Было бы горе...

— Кому?

Цветок молчал. Взмахнув несколько раз лепестками, опустился на зелёный ковёр. Мальчик присел рядом, боясь дажедохнуть. Голова кружилась от волнения и необычности происходящего. Он рассматривал удивительное творение или существо, ещё не понимая, как он слышит голос цветка, как отвечает он ему.

Лепестки засветились фосфорическим сиянием, раскрылись шире. Зашевелились серебристые тычинки, будто длинные ресницы. Славе показалось, что между лепестками цветка раскрывается глаз. Появляется блестящий белый ободок, на нём радужный кружочек и большой чёрный или тёмно-синий зрачок. Глаз мигнул несколько раз, взглянул на мальчика.

— Ты смотришь? — вскричал поражённый Слава, отодвигаясь от цветка.

— Почему это тебя удивляет? — сказал цветок. — Ты ведь смотришь на меня?

— Это непривычно... чтобы цветок смотрел...

— Вот видишь, — укоризненно произнёс цветок, — для тебя это непривычно... Вы — люди — хотите, чтобы всё было привычно, как у вас...

— Но так ведь не бывает, — пробормотал Слава. — Цветы не смотрят... и не разговаривают...

— А в сказке?

— Так это же в сказке...

— А ты теперь разве не в сказке?

— Твоя правда, — задумавшись, произнёс мальчик. — Сказать кому-нибудь — не поверит...

— А может, и поверит... — возразил цветок. — Сказка дремлет в сердцах многих людей...

— Бабушка Соломия поверит, — согласился Слава. — Она мне рассказывала такие истории...

— Ей и расскажи... Она не будет смеяться...

— Цветочек, а где ты вырос? Где ещё есть такие, как ты, цветы? — склонившись над ним, спросил мальчик.

Цветок снова промолчал. Впрочем, нет... Что-то слышится Славе. В глубине тёмного зрачка блещат золотистые искры, будто разгорается багряное пламя, колышутся тени. Нет, это не тени, это кони, а на них всадники. Развеваются флаги на копьях, слышится ржание, крики. А потом песня... Рокочут-плачут струны бандуры, стонут высокие волны на море, на чайках несут рыцарей храбрых в край далёкий, на смерть, на подвиг, на бессмертие. Искристо вспыхивает пламя, летят в голубом небе невиданные корабли. Не самолёты, не дирижабли, не ракеты, к которым привык глаз мальчика! Нет! Ясеньевые корабли с гордо поднятыми резными носами, с узорчатыми парусами, что надувают на солнце цветистую грудь свою. И сидят на этих кораблях сказочные победители — народные герои. Нет для них ничего непреодолимого; ни драконы, ни змеи, ни коварство царей и вельмож — ничто не остановит подвига, на который благословила мать родная, земля любимая, сказка волшебная...

Слава вздохнул от волнения. Почему в глазе цветка он увидел всё это?

— Знакомо ли тебе, мальчик, то, что ты увидел? — спросил цветок.

— Да, милый цветочек. Это — наша сказка...

— В таком случае не спрашивай, откуда я. Прощай!

Он взмахнул лепестками и поднялся в небо, Слава рванулся за ним, протянул руки вслед.

— Постой, постой! Ведь мы так мало побывали вместе! Я ещё не налюбовался тобой!

— Сказка приходит неожиданно и так же исчезает, — засмеялся цветок, голубым огоньком скрываясь в чаще деревьев.

— Я ещё увижу тебя? — тревожно крикнул Слава.

— Пойдёшь — найдёшь! Посмотришь — увидишь! — пронеслось над лесом.

Мальчик возвращался домой (задумчивый и грустно-счастливый. Мать о чём-то спросила его — он не услышал. Отец отругал — Слава не ответил. Машинально хлебал то, что поставила перед ним мать, смотрел невидящим взором куда-то перед собой.

— Уж не сглазил ли кто тебя? — встревожен-

но спросила мать, прикладывая ладонь к его лбу. — Какой-то ты сам не свой стал! Ходишь куда-то по вечерам... Где ты бродил весь день напролёт?

— В лесу, — неохотно ответил сын.

— Я же говорил, — с иронией сказал отец, посыпая солью огромный ломоть хлеба и натирая его чесноком. Упали те небесные камни на нашу голову, а теперь к парню надо врача вызывать!

— Не надо мне врача! — буркнул Слава.

— Ясное дело, не надо, — согласился отец. — Я сам полечу. Сниму ремень, да такие припарки поставлю, что выдумки твои как рукой снимет.

— И скажешь такое, — вступилась за сына мать. — Напроказничал мальчишка, что ли? Что-то с ним стряслось, разве он виноват?

— Знает что-то наш Слава, — сказала бабушка Соломия. — По глазам вижу — что-то встретилось ему в Чёртовой долине. Правда?

— Правда, — выдохнул мальчик. — Я видел...

— Да!

— Что старое, что малое, — укоризненно вздохнул отец, облизывая после борща деревянную ложку. — Ну, пусть тешится, лишь бы не заболел...

— Это счастье, что сын твой диво увидел, — сказала бабушка, радостно улыбаясь. — Не всякому это даётся. Мало было таких людей, которые видели окоцвет. Когда-то его встречали чаще, а теперь что-то не слышать...

— Потому что о глупостях забыли люди, — сказал отец, направляясь к дверям. — Стали заниматься реальными делами, а не басенками...

Хлопнув дверью, он вышел в сени. Вскоре послышалось туканье топора. Бабушка погладила Славу по голове.

— Не слушай, что он говорит. Устал отец — не до сказки ему. Не обращай внимания, ты знай своё. Раз увидел окоцвет, то уже не отступай...

— От чего, бабушка? — не понял Слава.

— От сказки, — пояснила она. — От чего же ещё!

— Что же ты там видел? — недоверчиво спросил отец, искоса поглядывая на сына.

— Цветочек...

— Какой ещё там цветочек?

— Волшебный. Такого никто не видел. Светится он, и три лепестка у него, и летает, — выпалил мальчик.

— Спят! — стукнул ложкой по столу отец. — Определённо спят! Где же это видано, чтобы цветок летал?!

— Правду говорю! — воскликнул Слава.

— Не кричи на ребёнка, — рассердилась на Славиного отца бабушка Соломия. — Он диво видел...

— И вы туда же...

— И я... Потому что знаю, — есть такой цветок!..

— Правда, бабушка? — обрадовался Слава и бросился к ней. Она обняла внука за шею, прижала к себе.

— Правда, внучек. Ты видел окоцвет!

— Окоцвет?

Окоцвет тому и открывается, кто сказку любит. Такой человек может много хорошего сделать для людей. Потому что окоцвет будет помогать ему...

— А правда, что кто-то имел его?

— А как же. Разве я не говорила тебе про цвет папоротника?

— Так это окоцвет?

— Он.

— Но ведь тот цвет люди искали для сокровищ, — недоверчиво сказал внук. — Чтобы золото найти под землёй...

— Это в сказке так сказано, чтобы не всякий понял. Для мудрого золото — чистое сердце да верные друзья. А злой человек ищет для себя проклятый клад, чтобы разбогатеть. Мудрому окоцвет даёт храбрость, силу, а то и славу. А злому — вечные муки, страх перед тем, что кто-то может отнять его богатство. Это великое знамение, Слава, что в нашем краю появился окоцвет...

(Продолжение следует).

ОЖОДВЕТ

Сказка*

«ФОКУСНИЦА»

Наступило утро, луч солнца прогнал сон. А в душе не исчезало ощущение чуда, так сильно пленившего мальчика. Славе не хотелось заходить в дом, говорить о чём-то с отцом, спорить, отвечать на насмешливые вопросы. Он спрыгнул с чердака, шмыгнул в огород, насобирал огурцов, помидоров, с аппетитом поел, запил колодезной водой, а потом, захватив удочку и банку с червями, задал стрекача на реку.

Дорога мальчика пролегла мимо Линоной хаты. Раньше он всегда звал девочку с собой, чтобы вместе покатались по реке, и с ними прилипалой тянулся Фри, а теперь Славе хотелось побыть одному, обдумать то, что произошло с ним в последние дни. Но ему не удалось прошмыгнуть незаметно — Лина выскочила из-за плетня, победно засмеялась.

— Ага! Изменник! Не хотел брать меня?!

— Линочка, — вздохнув, сказал Слава, светло посмотрев в её влажные глаза, — только не смейся. Со мной такое творится...

— Я же говорила — ты что-то видел!

— Видел, Линочка!

— Так ведь ты и я... — лукаво улыбнулась Лина. — Что знаешь ты — должна знать и я...

Слава вспыхнул, на губах его появилась недоверчивая улыбка.

— Ты это... на самом деле? Или так.. чтобы пошутить?

— Конечно... на самом деле...

— Ну, так пошли, что ли? Поедем к запруде рыбу ловить. Там тихо, дачников нет. В ситяге вот такие окуни водятся! Там я тебе всё расскажу!

— Пошли, — согласилась Лина.

Уже возле реки их встретил Онуфрий. Он победно улыбался, казалось, каждая его веснушка излучала иронию по адресу Славы. Его круглое лицо говорило: ага, убежали от меня? Слава поморщился, Лина недовольно пожала плечами.

— Наш пострел везде поспел, — сказала она.

— Хороши друзья, — промямлил Фри. — Сами идут кататься, а меня бросают!

— Ты что — бесплатное приложение к нам? — раздражённо спросил Слава, возясь с моторчиком на корме лодки. Тебя же никто не приглашал!

— А мне скучно без вас! Я тоже хочу рыбу половить! Линочка, заступись за меня!

— Да езжай уж, — огрызнулся Слава, прилаживая мотор. — Только будешь держаться подальше от воды, а то все окуни разбегутся!

Лина засмеялась, Фри молча проглотил обиду. Слава достал весло, дал его Онуфрию, велел держать лодку против течения, а сам начал дёргать за тросик. Мотор чихал, но почему-то не заводился.

— Застыл мотор, — озабоченно сказал Слава, опускаясь на корточки.

* Продолжение. Начало см. «Пионерия», №№ 10—12, 1969 г.

— Здравствуй, Слава! — послышался с берега голос-звоночек.

Все взглянули туда. Онуфрий выпустил из рук весло от неожиданности, Слава пробормотал что-то. На круче стояла незнакомая девочка лет тринадцати-четырнадцати, одетая в белое льняное платье ниже колен, вышитое бисером и шелковистыми нитками, на ногах у неё были лёгонькие тёмно-малиновые босоножки. Но совсем необыкновенным было её лицо — ярко-синие глаза излучали ласку и нежность, толстая золотистая коса ниспала на грудь, высокий чистый лоб обрамлял венчик из белых лилий.

Лина ревниво прикусила губу, щёки её запылали. — Что это за фифа? Вырядилась, как на сцену! Задавака какая-то городская! Где ты с ней познакомился?

— Я её не видел!

— Почему же она знает тебя?

Слава растерянно пожал плечами, вылавливая из воды весло, которое упустил Фри. Исподлобья взглянул на незнакомку.

— Откуда ты знаешь моё имя? Разве мы встречались?

— Это не имеет значения, — загадочно сказала девочка. — А что это вы собираетесь делать?

— Поплывём кататься, — осмелев, сказал Слава. — Рыбу ловить.

— А меня возьмёте?

— Охотно, — вскочил Слава. — Садись... Я сейчас подтолкну лодку к берегу...

— Я не поеду! — сердито прошептала Лина.

Она, как дикая кошка, выпрыгнула из лодки на крутой берег, смерила пылающим взглядом снизу вверх фигурку девочки, фыркнула и бросилась к кустам. Фри неохотно поплёлся за ней.

— Что это с нею? — удивилась девочка. — Почему она вдруг потемнела, как небо перед грозой?

— Бывает, — пробормотал Слава, вздыхая. — Ну, так садись, что ли? Тебя как зовут?

— А к чему тебе моё имя? — спросила девочка, легко переходя в лодку. — Можно и без имени. Но если уж так хочется, зови Катей...

— Странная ты, — сказал очарованный Слава. — Какая-то необычная.

— Необычная? — Девочка задумалась, лилии на её головке задрожали. — Тревожное слово. А какая это — обычная? Такая, как твоя подруга, только что убежавшая в кусты? Тебе такие нравятся?

— Ты меня не так поняла, — смутился Слава, ёрзая на корме.

— А как же? Неужели я тебе не нравлюсь?

— Кха, кха, — закашлялся мальчик, не зная, куда девать глаза от её нежного и требовательного взгляда. — Ты странно говоришь... Ты говоришь что-то непонятное... И назвала меня по имени, хоть мы с тобой и не встречались...

— Встречались, — снова уверенно сказала Катя. — Где?

— Когда-нибудь вспомнишь...

Слава задумался. И в самом деле, в ней есть что-то знакомое. Смех, как чуть слышный колокольчик, речь, глубокий взгляд ярко-синих глаз. Где, когда они встречались? Может быть, во сне?

— Почему же ты не едешь? — спросила Катя, усаживаясь на сиденье посреди лодки.

— Барахлит мотор...

- А что это такое?
- Двигатель. Разве ты не видела моторов?
- А зачем он тебе?
- Чтобы плыть. Вёслами грести тяжелее...
- А разве нельзя так?
- Как так?
- Без мотора, без вёсел...
- Не понимаю...
- А вот так, — сказала девочка.

Лодка качнулась, поплыла против течения, под днищем забулькала, запела вода. Слава выглянул за борт, не веря своим глазам, пощупал мотор. Катя смотрела на мальчика ясными глазами, дружески улыбалась.

— Как же она плывёт? — спросил ошеломлённый Слава. — Впервые такое диво вижу...

— Я захотела — вот и всё.

— Обманываешь, — недоверчиво сказал Слава. — Это фокус какой-то... Потому что такого не бывает, чтобы лодка плыла сама по себе...

— Не сама по себе, — возразила Катя. — Ведь мы в лодке.

— Но мотор же не работает...

— А разве только мотор может двигать?

— Ну... какая-то энергия должна быть...

— А желание? Это самая сильная энергия... Если человек чего-нибудь очень-очень хочет — всё осуществляется...

Слава помолчал, обдумывая слова Кати. Одобрительно кивнул.

Она тихонько смеялась, словно потешалась над ним. Смотрела на белые перистые облачка на небе, на желтеющие луга, на нежно-фиолетовые кручи правобережья, потом закрывала глаза, подставляя белое личико лучам летнего солнца. Мальчик не мог избавиться от странного очарования неожиданного приключения. Какой-то голос предупреждал, что всё это обман, что ничего такого не случилось, что он не должен доверять собственным чувствам. А сердце счастливо замирало от сказки, что творилась ясно и зримо среди белого дня. Пусть будет так. Пусть будет так всегда... Что это с ним? Когда это началось? В ту ночь, когда упали две звезды... Волшебная избушка... старушка... чудо-цветок... А что если и эта девочка?..

Приближались к запруде. Речная вода перекачивалась через большие, покрытые мхом камни, блестя искрами на солнце. Лодка тихонько пристала к песчаному берегу, стайки рыбок бросились врассыпную. Катя выпорхнула из лодки, за нею, размазывая удочку, вышел Слава.

— Хорошо тут, — сказала девочка и закружилась в танце вокруг Славы. — Не хуже, чем у нас...

— А где это у вас?

Катя промолчала, приостановилась, в её взгляде мелькнула грусть.

— А что это ты делаешь?

— Удочку разматываю.

— Зачем?

— Рыбу буду ловить.

— Ловить рыбу? Зачем?

— Есть, — удивляясь, ответил Слава.

— Ты ешь рыбу?

— А ты разве нет?

— Ой, нет, ни за что! — воскликнула девочка. — Пусть себе плавает, радуется...

— А что же ты ешь? — недоверчиво спросил мальчик.

— Солнышко кормит меня, — просто ответила Катя.

— Всех солнышко кормит, — возразил Слава. — Это мы в школе проходили. Растения усваивают энергию солнца, их поедают животные, люди...

— А почему же нельзя сразу от солнца? — грустно спросила Катя. — Чтобы ничего не есть? Так, как цветочки?

— Гм, — задумался Слава. — Это было бы хорошо. Но только невозможно. Мы так созданы...

— Кем?

— Природой...

— Ну и что? А разве нельзя захотеть иначе? Ведь люди такие умные, сильные... Ты хотел бы иначе? Чтобы так, как цветы?

— Ещё как хотел бы! — восторженно сказал Слава. — Тогда освободилось бы столько времени... Для путешествий, для поисков, для полётов... Только это же сказка...

— Сказка, — согласилась Катя. — Значит, правда...

Слава опять удивлённо взглянул на неё. Где слышал он эти слова? Когда?

— Ты странная...

— Почему странная?

— Не такая, как все...

— Разве надо быть, как все?

— Нет... Только непривычно... Мне кажется, что я тебя знаю... А где видел — не помню...

— Тебе хорошо со мной? — тихо спросила Катя.

— Угу, — кивнул Слава, опуская глаза.

— Тогда не надо вспоминать, где мы встречались.

— Ты говоришь, будто поёшь, — удивлённо сказал Слава. — Будто птичка... или шум леса...

— Я пойду, — вдруг сказала Катя.

— Куда? — заволновался мальчик.

— Меня зовут...

— Кто?

— Бабушка, — нежно сказала Катя. — Мы живём в избушке на краю села...

— Ты долго здесь будешь... в нашем селе? — с надеждой спросил Слава.

— Не знаю, — грустно ответила Катя.

— Может, в школу будешь ходить? Ты в какой класс ходила?

— В класс? — удивилась Катя. — А ты в какой?

— Я пойду в седьмой...

— А я не знаю...

— Как это ты не знаешь? Все учатся... И ты должна идти в школу. Ты, наверное, шутишь?

— Приду, если хочешь. К тебе. Ты приглашаешь? — весело спросила Катя.

— Приходи, — дружески кивнул мальчик. — Послезавтра начинается учебный год. Все будут очень рады. Такая интересная девочка.

— А твои друзья любят сказку?

— Ещё как! — воскликнул Слава и сразу же стал грустным. — Впрочем, не знаю. Пока маленькие, все любят слушать сказку... а потом...

— Правда твоя, — печально произнесла Катя. — Любит сказку не тот, кто слушает, а тот, кто идёт за ней... Ну, до свидания... Я иду...

— Подожди... Я перевезу тебя на ту сторону! И потом...

— Что?

— Ты не сказала, что ты сделала с лодкой? Почему она двигалась? Ты фокусница, да? Наверное, в цирке работаешь?

— Да нет, — с лёгкой досадой ответила девочка, направляясь к воде. — Всё очень просто: я хочу, чтобы лодка двигалась — она движется. Я хочу идти по воде — и вода держит меня... Вот так — смотри!

Катя легко ступила на поверхность реки и побежала по волнам. Слава замер от удивления, не веря собственным глазам. Вот девочка добежала до крутого противоположного берега, вошла в лозы. Вот уже её белое платье мелькает между дубами. Видна рука, поднятая для приветствия. И всё. Нет. Будто и не было...

Слава ошеломлённо оглянулся. Что это с ним? Неужели почудилось? Он начал заводить моторчик. К удивлению, он сразу же завёлся, и мальчик быстро возвратился к Перунову бору, так и не поймав ни одного окуня.

ЧУДЕСА

В селе Огоньки начали твориться чудеса. Люди, возвращаясь из лесу или с поля, рассказывали друг другу про необыкновенные случаи. Эти рассказы обрастали подробностями, выдумками, и волна удивления ширилась, тревожила всех необычностью событий, происшедших за последние несколько дней.

Когда Слава под вечер возвратился с реки домой, мать готовила у печки ужин и рассказывала об этих чудесах. Бабушка довольно покачивала головой, лукаво улыбаясь, а отец, вымыв руки и вытирая их жёстким полотенцем, иронически хмыкал.

Слава быстренько уселся за стол, взял в руки ложку и тоже стал слушать.

— Вернулась из лесу бабушка Горпина Семениха, — продолжала мать, — и тоже рассказывает (а ей ведь ещё никто ничего не передавал о том, что с другими людьми случилось), что нарвала она в Чертомлыне на огородах вьюнка для свиней. Полный мешок нарвала, такой, что и на плечи не поднять. Нарвала да и ждёт, когда будет кто-нибудь из шофёров ехать из лесу да подбросит её. Нет и нет никого. Солнце припекает, старухе жарко, голова начала болеть. А тут мешок взял да и пошёл...

— Как? — удивился отец. — Без ног?

— Что слышала, то и рассказываю, — сказала мать. — Поплыл будто бы над землёй. Старуха в крик: «Кто это, мол, шутит?» А он себе, играючи, плывёт и плывёт...

— Молча? — скептически прищурясь, спросил отец.

— Молча. Так до самого села старуха и бежала за ним рысцой. А уже у села мешок остановился и ни с места! И только тогда Семениха оглянулась, обошла мешок вокруг — нет никого. Сидит, бедная, трогает себя за голову — уж не горячка ли у неё, уж не приснилось ли?

— Вот люди, — сказала бабушка Соломия, — не привыкли, чтоб добро невидимо творилось, без благодарности, и удивляются, когда оно даётся им просто так.

— Да какое там добро, — махнул рукой отец. — Просто старуха в беспамятстве сама дотащила мешок до села. Голова у неё уже не девичья, забывает она всё, спит на ходу. Приснилось ей, что мешок плывет, а на самом деле всё просто...

— Много ты понимаешь, — ответила бабушка. — Ты всё, если бы можно было, охаял. Не только Семениха про чудеса рассказывает. Вон со сколькими ещё людьми чудеса творились. Вчера приехал из района председатель «Заготскота»... не знаю его фамилии... поохотиться на диких кабанов...

— Запрет ведь на кабанов, — сказал Слава.

— В том-то и дело. Кому запрет, а кому и нет. Пошёл он с лесниками, бродили, бродили по лесу, в Карани. Гриша-егерь знает все ходы-выходы, он повёл того председателя в Чёртову долину, а потом аж в Палёное. Видели они диких кабанов или нет, а косулю встретили. Ну, горе-охотник и начал целиться в неё. Косули ведь не убегают, привыкли к людям, потому что люди кормят их сенцом зимой. Егерь просит этого «Заготскота» — не надо, мол, стрелять! Потому что достанется мне, достанется и вам! А он взял да и выстрелил! А косуля, рассказывали лесники, совсем недалеко была, сажных этак в двадцати...

— Ну и что? — поинтересовался отец.

— А то, что косуля жива и невредима, а охотник тот закричал, схватился за живот и упал...

— С чего бы это?

— Потому что дробь попала ему в живот. Весь заряд...

— Как же это так? — недоверчиво спросил Слава.

— А так! Чудо! Лесники бросились к нему, взяли ружьё, думали, что вырвало сзади. Так нет. Ружьё целое, а дробь полетела не вперёд, а вернулась к тому, кто её послал. Вот как. Не стреляй, куда не следует!

— А что с ним, с этим «Заготскотом»? — тревожно спросила мать. — Не умер?

— Ну и чего бы это он умер? — махнула бабушка рукой. — У него сала на три пальца. Повезли его в район да в больницу, вытянули дробины, уже ходит...

— Гм, — сказал отец, но не смеялся и не комментировал бабушкин рассказ.

— Ещё и не такое случилось, — подхватила мать, неся горшок от печи к столу. — Пошёл Грицько Маркианов рубить ёлки на слегы. Вчера это было. Взял топор, наострил его, как надо. Пришёл, говорит, нигде никого. Поплевал на руки, замахнулся, а топор из рук вон!

— Как это из рук? Что он — пьяный был? — не удержался отец.

— Да нет! Взял снова, замахнулся, а он — тюк! — в землю!

— Определённо хлебнул!

— Нет, говорит, росинки во рту не было! Ещё раз замахнулся — чуть было сапог не рассёк! Выругался, ещё раз попробовал, ударил-таки по ёлке, а топор так и раскололся!

— Всё это чудо-цветок делает, — сказала счастливая бабушка Соломия. — Чует моё сердце, что сказка возвращается. Вот и сегодня хотели дачницы лилий нарвать, а они не даются...

Отец принялся за ужин, а Слава задумчиво смотрел перед собой, вспоминая и свою, такую необычную встречу с незнакомой девочкой. Не связаны ли все эти чудеса с ней? Ниточка тянется к звёздам, к призрачной старушке, потому что все чудеса начались именно с той воробьиной ночи...

(Продолжение следует).

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Слава сидел в бурьяне за покосившимся плетнём, поглядывая на окна и двери, — не выйдет ли Катя, не покажется ли?

Шли часы. Девочка не появлялась. В маленьких окнах было темно, пусто. Потом из трубы поплыла синеватая струйка дыма, запахло хвоей. Наверное, кто-то растопил печку.

На крыльцо вышла старушка. Слава внимательно посмотрел на неё, разочарованно вздохнул. Это бабушка Дарья. Может, расспросить её о Кате? Да нет, нельзя... Лучше подождать, чтобы не рассердить девочку.

Небо между вершинами вызвездило, низом покатился холодок. Слава съёжился, у него начали неметь руки. В сердце нарастало нетерпение: и чего это он должен мучиться в бурьяне? Подкрадётся, заглянет в окно. Может, Кати нет дома? Может, она пошла гулять — тогда и ждать нечего...

Мальчик подкрался к окошку избушки — эту половину покойный лесник всегда сдавал дачникам, наверное, Катя поселилась здесь. Отклонив ветку одичавшей розы, Слава заглянул в окно. В комнате плавал голубой свет. Что такое — неужели у бабушки Дарьи завёлся телевизор? Мальчик прислонился лбом к холодному стеклу, замер от неожиданности. Он увидел посреди комнаты маленькую сгорбленную фигуру старухи. Вот она шевельнулась, повернулась к нему лицом. Он чуть не вскрикнул: так это же знакомая баба-яга из Чёртовой долины! Значит, ему не приснилось, он на самом деле видел и волшебную избушку, и удивительный огненный клубочек! И Катя тоже от неё!

Мальчик хотел уже было постучать в окно, когда посреди комнаты появилась Катя. Она, сложив руки на груди, остановилась перед старушкой, что-то сказала. Старушка коснулась пальцем её груди. И сразу же на этом месте загорелась ярко голубая звёздочка. Вокруг огненного пятнышка вспыхнула спираль, начала разворачиваться. Шире, больше! Спираль захватила лицо, руки. Фигура девочки таяла, исчезала. Слава застыл от неожиданности: что же это происходит? Катя умирает? Её не станет?

Спираль сплелась в тугой клубок огнистых нитей, уплотнилась, превратилась в нежный, жемчужно-голубой шар. Мальчик едва не подпрыгнул от радости: так это же Нанти, огнистый клубочек!

Клубочек, ритмично помигивая, плавал над земляным полом. В красном углу в голубых лучах, лившихся неведомо откуда, Слава увидел большой трёхлепестковый цветок. Чудо-цвет, который встретился ему вечером в Чёртовой долине! Ой! Значит, Катя умеет превращаться во что угодно?

Мальчик зашевелился от возбуждения, куст затрещал. Старуха взглянула в окно, увидела его. Но на лице её не отразилось ни тени удивления. Она подошла ближе, толкнула оконную раму, та легко поддалась. Слава не знал, встать ему или сидеть. Было неудобно, стыдно, страшно...

— Ну, старый знакомый, — пропела старушка,

улыбаясь таинственно и немного насмешливо. — Добрый вечер!

— Здравствуй! — прошептал Слава, продолжая сидеть в бурьяне.

— Неужели тебе тут удобно? — удивилась старушка. — Уже несколько часов ты мёрзнешь на дворе, тебя жалит крапива, а ведь так просто — подойти, попросить разрешения войти...

— Катя запретила, — смущённо сказал мальчик.

— Она не запрещала, а просила, — укоризненно сказала старушка. — Ты не послушал. Знаю — любил её. Никто на тебя не сердится. Наоборот, ты славный паренёк. Я понимаю, что привело тебя не простое любопытство. Вставай, иди сюда. Не бойся...

Слава быстро обошёл избушку, вошёл в комнату, несмело остановился у стола. Цветок покачивался в воздухе, источал волны тонкого аромата, в нём было дыхание весенних цветов, первой грозы, днепровского луга.

— Это — Катя? — проглатывая сухой комок в горле, прошептал мальчик.

— Нанти, — сказала старушка. — Для Земли — Катя. Ты ведь встречался с ней, когда она была в таком образе. В лесу...

— Я помню...

— Тогда мы испытывали тебя. Сначала сомнения. Потом — вспышка веры. Хорошо, что сказка победила. Только потому Катя и подошла к тебе...

— Там... на речке?

— Да. Ты, наверное, удивлялся... мучился... кто да что? Правда?

— Я... догадывался... но только и теперь я не пойму...

— Чего, мальчик? — ласково спросила старушка.

— Зачем вы её сделали... цветком?

— Она и есть цветок, — сказала старушка.

— Цветок? — Мальчик раскрыл от удивления рот. — Как это?

— Тебя удивляет, что цветок — разумное существо? Ты снова забываешь, что встретился со сказкой...

— А как же тот её образ? — грустно спросил Слава. — Девочка Катя?

— Ты дал цветку такой образ...

— Я?

— Ты. Помнишь — ты рассказывал нам сказку о спящей царевне. Нам очень понравился твой рассказ. И красота царевны, которую ты описал. Нанти решила для Земли избрать образ той царевны...

— Почему? Почему именно его?

— Чтобы быть близкой тебе, Славик, — ласково ответила старушка. — Эта сказка твоя любимая, значит, ты должен полюбить и того, кто вышел из твоей сказки...

— А зачем... снова цветочек? Пусть бы вечно была девочкой, — печально сказал Слава.

— Ты всё хочешь узнать сразу, — укоризненно произнесла старушка. — Даже сказка не сразу молвится, на всё нужно время... иногда страшное время, тяжкое! Не всякая сказка весёлая, мальчик... Будь терпелив! Скажи честно — тебе понравилась Катя... не только такая, как была она девочкой, а вот такая, как Нанти?

Слава кивнул, нежно посмотрел на цветок. Старушка заметила этот взгляд, довольно улыбнулась.

— Ты принимаешь её такую, как есть?

— Принимаю, — прошептал Слава. — И пошёл бы на край света, чтобы разбудить её. Разве я хуже царевича из сказки?

Глаза старушки расцвели синими васильками. Она положила руку на плечо мальчика.

— Хорошо сказал. Ты сам не знаешь, как хорошо ты сказал. Я счастлива, что встретила тебя. И Нанти счастлива. Может, наша мечта исполнится...

— Какая мечта?

— Подожди. Дружи с Нанти, и она тебе обо всём расскажет. О том, откуда мы прибыли, зачем... А теперь разойдёмся, мальчик! Пора. Дружи с Нанти...

— Можно мне приходить к ней? — несмело спросил мальчик.

— Для любви и дружбы все двери открыты, — сказала старушка. — Нанти, ты слышала, о чём спросил мальчик?

Цветок нежно засмеялся, по его лепесткам пробежали волны голубых искорок.

— Нанти, верь ему. Открой ему нашу тайну. Он станет для нас нитью к сердцу их мира. Ты согласна?

Цветок снова замерцал жемчужным сиянием, Славе послышались слова:

— Я буду ждать, милый мальчик...

— А теперь иди, сынок, — сказала старушка. — Нанти согласилась. Завтра встретитесь. Не спешите рассказывать другим о том, что знаете...

— А люди уже говорят, — неуверенно произнёс Слава. — Что-то странное, рассказывают, начало твориться вокруг села...

— Что же? — поинтересовалась старушка.

— То заряд из ружья попал в охотника, когда он целился в косулю, то мешок у старухи сам собой плыл над землёй... всякие другие чудеса... Это всё вы, что ли?

— Это Нанти забавлялась, — рассмеялась старушка. — Хотелось ей посмотреть, как люди воспримут необычное. Отвыкли они от сказки, не примут сразу...

— А я бы принял, — горячо сказал мальчик. — И много друзей моих, школьников, приняли бы. Потому что кто же больше нас любит необычное?

— Это — хорошо, — кивнула старушка. — Если бы так было всегда. Верь сердцу своему — и тогда чудо увидишь на каждом шагу. И никогда не считай небывалое, необычное видением утомлённого мозга. Спокойной ночи, сынок. Нанти будет ждать тебя...

— Я приду, — тихо сказал Слава, останавливаясь на пороге и поглядывая на волшебный цветок. — Ты верь мне, Катя... Нанти... Я буду тебе верным другом... самым верным...

ЛУЧ ДАЛЕКОГО МИРА

Не позже шести утра Слава был уже возле избушки лесника. На крыльце сидела Катя, любовалась нежно-розовым светом, пламеневшим над стеной синего леса. Бабушка Дарья стояла рядом, положив руку на пышную золотистую косу девочки.

— Как королевна! — хвалила бабушка. — И откуда она такая взялась?! Хорошая, красивая! Оставь, дочка, у меня жить. Да не на год, не на два, а на всю жизнь.

Катя слушала бабушкин монолог, ласково кивала. Подняв голову, увидела мальчика, вскочила с места.

— Пришёл-таки?

— А разве я мог не прийти? — счастливо улыбаясь, тихо сказал Слава.

— Тогда пойдём в лес... погуляем...

— А завтракать? — спросила бабушка Дарья. — Ты тоже, наверно, не ела ещё ничего? Вижу — не варите — ни ты, ни бабушка твоя! Как же так можно?

— Не беспокойтесь, — ласково сказала Катя. — Не надо, я не голодна...

Она взяла Славу за руку, посмотрела в глаза.

— Были неприятности?

— Что мне до них! — вспыхнул Слава. — Я вижу тебя... и с меня достаточно...

Она побледнела, но в глазах её вспыхнули синие искры, на губах появилась счастливая улыбка.

— Ты думал обо мне?

— Всю ночь. Нам о многом надо поговорить с тобой...

— Может, и не о многом, — загадочно сказала девочка. — Лишние слова отдаляют от правды, от понимания. Главное приходит в молчании, в тишине.

— А где же бабушка? — спросил Слава, когда они вышли на узенькую тропинку между высокими кустами тёрна.

— Там, в комнате, — неохотно ответила Катя. — Она сейчас цветком стала... как я вчера...

— Почему? — спросил пораженный мальчик.

— Мы должны часть жизни на Земле быть такими, как там, у себя... Понимаешь?

— Начинаю понимать, — взволнованно произнёс Слава. — А где это у себя, Катя? Ты до сих пор не сказала!

— На Планете Цветов, в Краю Сказки...

— Расскажи мне о ней... Где ваша планета, какая она? Как её отыскать?

Они шли между величественных сосен, взявшись за руки. Глухо шумел лес, в небе багряно светились перистые облака, издали доносились печальные крики журавлей.

— Где наша планета? — переспросила девочка, грустно вздыхая. — Её не увидишь ни в какой телескоп. Только мечта, сказка проведёт к ней.

— Тогда скажи — как это сделать? Кто покажет дорогу, пусть будет она самой трудной?

— Мне нелегко рассказать об этом, чтобы ты понял... А множество людей, даже хороших, добрых, могут лишь посмеяться надо мной... Скажу больше — мы созданы мыслью людей Земли...

— Не пойму, — сказал взволнованный Слава. — Как это так?

— Люди Земли на протяжении веков творили замечательные сказки, легенды, — вдохновенно рассказывала Катя. — В этих сказках жили сильные, несокрушимые герои, победители, рыцари, их возлюбленные, весёлые дети, драконы и могущественные враги, трудолюбивые пахари и садовники, мудрые животные и невиданные птицы. Ничего невозможного не было для сказки, непреодолимая воля героев творила чудеса. Люди, создавшие эти прекрасные легенды, горячо верили в правду творимого ими. И мысли человеческие разносились во вселенной, неся в беспредельность весть о диковинной планете Земле. Так ваша сказка проникла Солнечным Путём на нашу планету — Планету Цветов.

— Как ты сказала? — заинтересовался Слава. — Солнечный Путь... Что это такое?

— Я тебе не могу всего открыть...

— Почему? — испуганно спросил Слава. — Почему, Катя?

— Не знаю, как ты воспримешь! Ещё неизвестно, что скажет твоё сердце, когда перед тобой возникнет пропасть, которую надо преодолеть!

— Послушай, Катя, — несмело попросил мальчик. — Вот если бы ты показала мне какие-нибудь рисунки вашей планеты или фотографии. Знаешь, это было бы здорово!..

— Зачем же рисунки? — ласково ответила Катя. — Я могу открыть тебе окно в наш мир. Тогда ты поймёшь...

— А когда, Катя?

— Да хоть бы и сегодня. Вечером. Перед тем, как я... стану цветком...

— Окоцветом, — задумчиво сказал Слава. — Катя, а почему бы нам не встретиться с Максимом Ивановичем? С нашим астрономом?

— Зачем?

— Он сердечный человек, искренний, хороший. Он поймёт, потому что всю жизнь живёт мечтой. Всё бы ему о звёздах говорить, о небе... о далёких мирах...

— Ну, хорошо, — решила Катя.

сим Иванович, проницательно взглянув на мальчика. — При чём тут болид?

— А при том, что я нашёл...

— Что? — крикнул Максим Иванович. — Нашёл болид? И не сказал? Ты не выдумываешь?

— Да нет, — махнул рукой мальчик, — не болид нашёл, а людей. Вот её, Катю, и старенькую бабушку! С тех пор всё и началось...

Максим Иванович провёл ладонью по вспотевшему лбу, покачал головой.

— Я увидел избушку, а в ней старенькую бабушку. Стены светились, и в красном углу был волшебный цветок, а потом появился огненный клубочек. А потом...

— Слава, — резко сказал учитель, и его прозрачные глаза стали колючими, холодными. — Ты меня пригласил для того, чтобы рассказать сказочку для детей?

Слава растерянно развёл руками, Катя горестно взглянула на него, сделала незаметный знак.

— Я скажу. Сама скажу, кто мы и откуда...

— Вот это другое дело. Но без выдумок.

— Всё это случилось после нашего перелёта...

— Какого перелёта? — заволновался Максим Иванович, обескураженно глядя на девочку.

— Мы не с вашей планеты, — как можно спокойнее сказала девочка. — Мы — жители друго-

ДВА МИРА

В полутёмном павильоне школьной обсерватории было прохладно, тихо. Катя медленно вошла туда вслед за Славой.

Послышался стук кофты в коридоре. Максим Иванович остановился на пороге, внимательно посмотрел на девочку. Провёл взглядом по тоненькой гибкой фигурке, засмотрелся в бездонные ясные глаза, на высокий лоб. Нахмурился, словно был недоволен собой. Молча показал на скамеечку под стеной, сам уселся в кресло возле телескопа. Когда Катя и Слава сели, он скупно улыбнулся.

— Так это и есть твоя таинственная незнакомка? Что же вы хотели мне сказать?

Мальчик волновался, не знал, куда девать руки.

— Максим Иванович, тут пошли разные толки... и я... мы... решили всё рассказать, как оно есть... Вы единственный человек, который поймёт... Помните, в августе упал в Чёртовой долине болид? Вы посылали искать его...

— Ну? — оживился Мак-

го мира. Бабушка моя уже была на Земле, а я — в первый раз...

Максим Иванович вскочил, его костыль застучал вокруг телескопа. Он вынул из кармана платок, вытер вспотевшие руки, остановился...

— Хорошо, хорошо, — нервно улыбаясь, произнёс он. — Допустим, я поверю вам. На одну-две минутки поверю...

— Не надо на минутки, — возразила Катя, проникновенно глядя в его глаза. — Примите так, как оно есть...

— Хорошо, хорошо! — уже с какой-то неистовой весёлостью воскликнул Максим Иванович. — Старый дурак имеет честь разговаривать с космонавтом, с водителем летающей тарелочки. Интервью с существом далёких миров... Где ваш звездолёт?

— У нас нет звездолётов, — серьёзно ответила девочка. — Мы летаем иначе...

— А как же?

— Непосредственный полёт. Как в сказке. Захотел — полетел. Существо становится сгустком энергии, намечает путь в пространстве, летит. В ту ночь вы видели падение двух таких сгустков. Грозные шары. Это прибыли мы. А потом приобрели определённую форму, чтобы действовать на Земле.

— А где же ваша, с позволения сказать, планета? Поверю, ладно, я поверю, приму всё за чистую правду! Как вы изволите называть вашу планету? Точнее — как она называется у нас на Земле?

— Мне трудно говорить. В вашем сердце я читаю иронию, страх... Почему? Примите просто, искренне мои слова. Тогда будет всё хорошо.

— Ты правильно сказала. Я погорячился. Прости. Слушаю тебя.

— Земная наука не знает про нашу планету. Ваши телескопы её не увидят...

— Угу! Так далеко она? В другой галактике?

— И далеко, и близко. В зависимости от того, кто какой путь избирает. Наша планета недалеко, если искатель найдёт вход в неё, пойдёт правильным путём...

— Так, так! И какой же это путь?

— Путь Сказки. Потому что и планета наша называется Краем Сказки. Я уже рассказывала об этом Славе...

— О, это дело другое, — повеселел Максим Иванович. — Это ближе к истине. Сказка. В это я поверю. Ты живёшь в сказке...

— Правда, — облегчённо вздохнула девочка. — Наконец-то вы поняли!

— Да, я давно понял! — нахмурился учитель. — Только при чём здесь я?..

— Слава, — проговорила девочка, — я почувствовала: Максим Иванович считает меня ненормальной. Я не могу оправдываться... Если я произнесла слово «сказка», то это не означает — выдумка! Я на самом деле родилась и жила в Краю Сказки, на Планете Цветов...

— Красиво говоришь, — сказал учитель. — Из тебя получилась бы прекрасная сказочница. Извини, девочка, я реалист. Я хочу фактов...

— Перед вами самый большой факт, — горько сказала девочка, — человек иного мира!

— Что из того, что человек! Правда, ты необыкновенная... Даже очень. Вот если бы ты дала какие-нибудь доказательства.

— Разве сказка требует доказательств? — удивилась Катя. — Её или принимают или не принимают.

— Что такое сказка? — скептически усмехнулся астроном. — Сказка может обмануть!

— Никогда! — горячо возразила Катя. — У нас на Планете Цветов, нет обмана. И потому нет необходимости доказывать что-то. Да или нет. Есть или нет.

— Хорошо, хорошо, — улыбнулся Максим Иванович. — Какая же цель у тебя... или у твоей бабушки? Как связаться с вашим миром? Могли бы наши учёные полететь туда? Вы хотели бы этого?

— О! — воскликнула Катя. — Это и есть наша цель!

— Тогда открой нам секрет полёта на вашу планету, — энергично сказал учитель. — И все сомнения исчезнут! Дай формулы, дай идеи и чертежи, а не легенды... Мы построим аппарат! Только скажи ясней — что, где, как?

— Я уже сказала. Любовь к невероятному. Полюбите наш мир — Край Сказки. Тем более, что вы породили его, ваши предки!

— Любить, не видел?

— Только так, — утвердительно кивнула Катя. — Мечту любит тогда, когда она ещё не появилась. А если она перед глазами, то это уже не мечта! Кто захочет войти к нам, кто горячо захочет — у того появятся возможности.

— Приятно тебя слушать, — задумчиво произнёс Максим Иванович. — Впрочем... я растерялся. Что же делать? Мы на Земле. Наука — вещь конкретная. А твоё мышление — розовая мгла, туман...

— Вы всё ещё не верите?

— Может, верю... может, нет... Что-то во мне колебалось... но это не имеет значения! Слушай, свяжи меня со своими старшими... С бабушкой, что ли... посоветуйся. Может быть, она поможет! Нужны доказательства. Надо же учесть психику земных людей. Поняла?

— Поняла, — кивнула девочка. — Но для того, чтобы вас убедить, нужно, чтобы наш мир спустился сюда, потерял свою сказочность. Это невозможно!

— Почему?

— Потому что сказка умрёт. Исчезнет...

Максим Иванович развёл руками.

— Знаете что? Я побуду один. Подумаю. До свидания!

Катя со Славой вышли из обсерватории. Максим Иванович окликнул их. Катя остановилась.

— Вы что-то сказали?

— Я говорю, что мне жаль...

— Чего?

— Что я не Слава! Что мне не четырнадцать лет.

— Сказка возвращает юность, — ответила Катя.

Максим Иванович с горечью взглянул на свой костыль, прикрыл дверь. Девочка вздохнула, взяла Славу за руку.

— Хороший человек. Искренний. Только сомнения клубятся в душе. Они не позволяют верить в сказку...

— Катя, что же мы будем делать?

— Идём к нам.

— Сейчас?

— Да. Я обещала тебе приоткрыть дверь в сказку. Я сдержу слово...

— Ой, Нанти!

— Да, теперь я уже не Катя! Теперь я Нанти. Пойдём, мальчик, Нанти поведёт тебя по пути сказки.

(Окончание в следующем номере)

Окоцвет

Сказка*

ЕЁ ГЛАЗА

Нанти выбрала неподалёку от избушки лесника укромное местечко среди густых кустов тёрна. Небольшую поляну обступали старые сосны, землю толстым ковром устилала хвоя.

— Садись, — сказала девочка.

Слава несмело опустился рядом с ней на узловатый корень сосны. Смотрел на девочку, всё ещё не веря, что должно произойти что-то неожиданное. Как, где, почему?

— Смотри мне в глаза, — сказала Нанти. — Дай руку...

Он встретил её взгляд, в груди загорелось невидимое пламя. Ему казалось, что от её руки плывёт жидкий огонь. Всё тело запульсировало в такт с этим упругим потоком. Было страшно и радостно, как во сне, когда летишь над землёй: знаешь, что крыльев нет, но какая-то неведомая сила несёт вдалёку, к волшебным горизонтам.

— Знаешь ли ты, что такое человек? — глубоким, таинственным голосом спросила Нанти.

— Не знаю, — прошептал Слава.

Глаза Нанти вспыхнули.

— Человек только начал расцветать. Когда появляется солнце...

— Какое солнце? — тихо спросил мальчик, прислушиваясь к голосу Нанти, как к мелодической песне...

— Солнце мечты... Когда оно появляется — человек становится всемогущим. Всё достижимо, всё может свершить человек, когда поймёт, что он неизмеримо силен. Сказочники, герои знали об этом. Вспомни: в сказке всё удаётся герою. Даже смерть отступает перед ним! Ты думал, почему?

— Я принимал сказку такой, какой она есть.

— Прекрасно.

— Нанти, — чуть слышно прошептал мальчик, уже не ощущая под собой земли.

Таяли очертания деревьев. Мгла застилала глаза Славы. Кружилась голова. Невидимая волна качала мальчика в нежных объятиях. Потом перед его

закрытыми глазами затеплился свет. Мальчик увидел ослепительно-золотистый цветок. Его мерцающие, колеблющиеся лепестки играли, переливались, как радуга, беспрерывно расцветали, исчезали и рождались вновь. Нежно-сиреневые тычинки роняли серебристую пыльцу, дышали едва ощутимым тонким ароматом. Цветок приблизился, обдал Славу тёплым огнём, исчез.

— Вставай! — пропела Нанти.

Он очнулся, встал. Девочка стояла перед ним — ещё более прекрасная. На голове у неё был чудесный венок из живых цветов, волнистые солнечные волосы ручьём стекали на плечи, лёгкое радужное платье казалось крыльями, охватывавшими её сильное лучистое тело. Слава от неожиданности не мог промолвить ни слова, только смотрел и улыбался, ошеломлённый необыкновенным впечатлением.

— Не удивляйся, — сказала Нанти. — Ты тоже изменился. Ты прекрасен.

Они взялись за руки, пошли между деревьями. Их приветствовали сосны, дубы и цветы. Такие же, как раньше, знакомые, только очень изменившиеся. Слава смотрел на них, старался понять — в чём же это отличие? Наконец понял — пробуждение! Всё вокруг проснулось, не спит. Всё дышит, всё словно расцветает...

— Где мы? Неужели в твоём краю?

— На пути сказки, — сказала Нанти.

— Как же так? — удивился он. — Я вижу наш лес. Вот мы поднимаемся на холмы. Там — днепровские горы... Село... Это же наша Земля...

Вдали мерцал голубыми искрами полноводный Днепр. Горы таяли в солнечном тумане. Меж цветущих садов, за полосой холмов, блестели прозрачные купола небольших строений. Над ними кружились птицы, может быть, какие-нибудь аппараты?

— Земля, но только не та, к которой ты привык, — таинственно улыбнулась Нанти. — Ты её видишь глазами сказки. Смотри — стоит протянуть руку, и ты — в стране чудес.

Мальчик молчал. До его сознания начала доходить простая правда её слов. Так неожиданно? Так невероятно? Мы все живём среди чудес. Мы все

* Окончание. Начало см. «Пионерия», №№ 10—12, 1969 г., №№ 1—2, 1970 г.

должны мечтать, стремиться к осуществлению мечты, и тогда будет всем понятно, почему Циолковский даёт людям гениальные идеи, Джордано сквозь огонь идёт к мечте, Шевченко в муках дарит народу песню, космонавты ведут корабли навстречу опасностям...

— Я услышала твою мысль, — прошептала Нанти. — Хорошо думаешь!

— Как тихо здесь, — сказал Слава. — Неужели в Краю Сказки царит вечное спокойствие? Без тревог и опасностей?

— О смешной мальчик! — засмеялась Нанти. — Выбирай себе любую дорогу. Грозную бурю или битву с драконом, поиски новых планет или выращивание небывалых садов. Пришла бы только сказка, а герой найдёт, куда приложить свои силы, стремленье! Смотри!

Она обняла его за плечи. Молния разорвала пространство надвое. Словно разорвалась голубая пелена. В этот просвет хлынули густые, насыщенные

оживают. Бессмертие — награда за подвиг! Вечный поиск тайны, небывалого! Идём!

Словно невидимая рука обрезала бурю, грозу. Исчезло море, корабль. Они снова стояли на холме, смотрели на далёкий Днепр. Теперь это был знакомый земной пейзаж — хатки среди багряных деревьев, дымок над крышами, гудки паровозов над лугами. Нанти была в белом вышитом платье, бледное личико казалось по-земному утомлённым и почему-то грустным.

— Солнце заходит... Мне пора, — сказала она.

— Куда? — не понял мальчик.

— Ты забыл. Я снова стану цветком...

— Нанти... Печаль сжимает моё сердце. Такие чудеса открыла ты мне, а чего-то ещё не договариваешь! Что я могу сделать? Чего ты ждёшь от меня?

— Идём, Слава! Идём! Пора!

Тёплый песок пел под ногами, лоза ласково касалась лица, смолой пахли сосны. Как будто всё

грозой запахи моря. Нанти со Славой стояли на корме небольшого корабля, разрезавшего грудью пенистые волны. Над головой плескались голубые паруса, за бортом катились вдаль грозные валы.

— Где мы? — закричал Слава, пересиливая грохот моря.

— На пути сказки. Ты боялся покоя? Его в сказке нет. Выбирай самый беспокойный путь!

— Но ведь всё это видение?

— Что?

— Эта буря! Драконы, если они тут есть. Ведь это нам кажется?

— Видение? — Нанти загадочно улыбнулась. — Попробуй убедиться! Прыгай в воду!

Он подошёл к борту, посмотрел вниз. Тёмно-зелёная бездна пенилась, столбы брызг поднимались перед носом корабля, оставляли на губах горьковатый привкус.

— Ну, чего же ты ждёшь? Или испугался призрака? Как и на Земле, в Краю Сказки есть опасности и смерть. Впрочем, есть одно различие...

— Какое?

— Если захочешь — вода живая. Мёртвые герои

то же самое, но и здесь, в знакомом мире, Славе чудились изменения. Он никогда не забудет удивительного потока красоты на пути сказки, мелодией единства звучащего для людей и растений, животных и птиц и далёких звёзд.

РАЗЛУКА

Багряные лучи солнца касались вершин деревьев. Над лесом затихал дневной шум. Осень грустной кистью рисовала на кустах, на деревьях пышное, пурпурно-золотое убранство. Они шли под этими праздничными сводами молча, задумавшись. Нанти торопилась, Слава едва поспевал за ней. Почему она вдруг так изменилась? Нахмурилась, заволновалась...

Показалась избушка. Девочка на минутку остановилась, отрывисто бросила:

— Беда!

— Что случилось?

— Сам увидишь! Скорей!

— Я ничего не понимаю!

— Я вижу, чувствую...

С крылечка избушки прыгнула какая-то фигура.

Воровски оглядываясь, ринулась к воротам. В руках у неё что-то блестело. Слава узнал Онуфрия, бросился за ним.

— Стой, стой! — закричал он. — Стой, говорю тебе!

Он догнал Фри за плетнём, схватил за рубашку. Тот, держа что-то в руке, вырывался.

— Ты зачем лазил в хату? — гневно закричал Слава. — Ворюга!

— А они — ведьмы! — огрызнулся Фри, с ненавистью глядя на мальчика. — Я решил проверить, с кем ты дружишь! Меня Лина подбила! Ха! А там никого, только цветок! Над столом! Так я его...

— Цветок? — взволнованно крикнул Слава. — Дай сюда!

— А я его об пенёк! — Фри замахнулся. Где-то около крыльца отчаянно закричала Нанти.

Вспыхнуло призрачное голубое пламя. Онуфрий испугался, бросился в кусты. Над разбитым цвет-

— Где? Когда? — в отчаянии вскрикнул он, бросаясь к ней.

— На пути сказки. Всю вечность. Стой, не подходи!

Нанти исчезла, над двором поплыл огнистый клубочек, с треском и грохотом покатился в небо. Славу обдала горячая волна. Он изнеможённо упал возле пня и, глядя на обезображенный цветок, горько зарыдал. Кто-то подошёл к нему, положил руку на его голову. Он оглянулся. Это была Лина. По её щекам катились крупные прозрачные слёзы.

— Славик, — шептала она. — Я совершила преступление... Это я виновата. Думала, что они обманщицы, затаили тебя во что-то дурное... А теперь я вижу, что это была сказка... Я не поверила тебе... не поверила себе...

Жемчужные лепестки разбитого цветка задвигались, раскрылись. На детей взглянул большой грустный глаз чудо-цветка. Послышался шёпот:

ком появилась старушка, тяжело застонала. Потом ветхое тело её растаяло, и перед Славой появилась фигура высокой красавицы с фиолетовым венком на голове. Её окружали вихри огня, каскад нежно-зелёных волос ниспадал до пояса. Она печально взглянула на мальчика:

— Сказка кончилась, сынок! Жар-птица покидает тебя! Прощай, прощай, прощай! Нанти, лети!

Упругий клубок пламени поднялся вверх, излучая запахи грозы и рассыпая ярко-фиолетовые искры. Слава обернулся к Нанти, девочка бежала к нему, протянув руки. Горячо обняла мальчика, решительно отступила в сторону. На её груди вспыхнула ослепительная искра, как и тогда, в комнате. Взвихрилась голубая спираль. Слава почувствовал, что сейчас произойдёт страшное, безвозвратное, что утрачивает он то, без чего не сможет жить...

— Нанти! Подожди! Не покидай меня! Нанти! Катя...

— Я буду ждать тебя, Слава, — нежно сказала она. — Я буду ждать тебя!

— Не плачь, Слава! Слышишь? Милый мальчик, мы только цветы далёкого сказочного края... Наша планета в беде, и спасение зависит от вас. Его принесёт лишь тот, кто любит сказку... О мой мальчик! Поймёшь ли ты? Постигнешь ли?..

Сияние лепестков угасло, глаз закрылся. Цветок почернел, сморщился. Через мгновение на пне лежала только кучка пепла.

Слава, закрыв руками лицо, безутешно плакал.

— Не надо, Слава, — обняв его за плечи, уговаривала Лина, и слёзы капали из её глаз. — Я всё поняла. Мы найдём её, нашу милую Нанти! Мы увидим Край Сказки! Я была злая, нехорошая! Теперь я возненавидела себя... такую, какой была!.. Отныне я буду с тобой... пусть радость, пусть горе... а мы с тобой! Слышишь, Слава? Успокойся! Мы найдём Нанти, поможем ей... и её подругам-цветам...

В ту ночь снова неистовствовала небывалая гроза...

Перевела с украинского Н. НИКОЛЕНКО.

